

Е. Ш А П О В А Л Е Н К О

188

Р. 9
ЛШ-24.

ПОД

П Ь Е С А

"Т Р У Д И К Н И Г А"

ИЗДАТЕЛЬСТВО М.Г.С.П.С МОСКВА 1925

196817

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

17

И. В. 1936 г. № 196817. 1944

1881

Г О Д

МЕЛОДРАМА

В 5 ДЕЙСТВИЯХ И 10 КАРТИНАХ

Издательство МГСПС
„ТРУД и КНИГА“
МОСКВА — 1925

Отпечатано в типографии
из-ва МГСПС „Труд и Книга“.
Москва, Б. Якиманка, 32.

Мосгублит. № 10.298

Тираж 5000.

Действующие лица:

Желябов, партийное имя Тарас.

Перовская, Софья Львовна.

Кибальчич, партийное имя „Техник“.

Богданович, он же Кобозев.

Суханов, офицер флота.

Фроленко.

Тригони, партийное имя „Милорд“.

Якимова, она же Кобозева.

Гриневицкий, студент, партийное имя
„Котик“.

Рысаков, студент.

Михайлов, рабочий.

Окладский, он же Петровский.

Иван Семенов, рабочий.

Старый рабочий.

Молодой рабочий.

Император Александр II.

Александр Александрович, наследник.

Княгиня Юрьевская, морганатическая супруга императора.

Комаров, генерал, начальник жандармского управления.

Граф Лорис-Меликов, министр внутренних дел.

Первоприсутствующий правительствующего сената.

Муравьев, прокурор.

Баранов, генерал, градоначальник.

Попов, обер-секретарь.

Баранов 2-й, капитан в отставке.

Мровинский, инженер.

Яшухин, чиновник 3-го отделения.

Члены

партии

„Народная

Воля“.

Перепелкин, старший агент 3 го отделения.

Палач.

1	}	священники.
2		
3		
4		

Пристав.

Кухарка.

Горничная.

Бедная женщина.

Дворник.

Офицер.

Полиция, солдаты, рабочие, народ.

Место действия—С.-Петербург. Время: февраль—март 1881 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОУНЬ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugaic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Картина первая

Конспиративная квартира. Небольшая комната, оклеенная выцветшими обоями. Оба окна завешены. Над обеденным столом горит лампа. На левой стороне чернеет дверь в прихожую.

За столом: Перовская, Желябов, Суханов, Фроленко. В стороне—Иван и двое рабочих. Отрывистый разговор полушопотом.

Суханов.—Повешены? Квятковский и Пресняков?

Фроленко.—Да. Рано утром в Иоанновском равелине.

Суханов.—А остальные?

Фроленко.—Пока живы.

Суханов.—И Окладский?

Фроленко.—Жив.

Суханов.—Странно...

Желябов.—Не по своей вине Окладский избег виселицы. Он открыто заявил на суде: я не прошу и не нуждаюсь в смягчении своей участи. Если суд смягчит приговор, я приму это за оскорбление. (С восхищением). Вот как сказал Окладский царским судьям!

Голоса.—Палачи! Без юридических улик!

Перовская.—Месть за погибших товарищей!

Желябов.—Верно, Соня.

(Пауза).

Суханов (с некоторым страхом смотрит на Перовскую, Фроленко. Шопотом).—А что с Колодкевичем, Баранниковым и Клеточниковым?

Фроленко.—Сидят в предварилке. Арест Клеточникова взбудоражил всех. Революционер оказался на службе в самом 3-ем отделении. Воображаю, что у них делается.

Суханов.—Для нас это удар гораздо больший, чем для них. Мы потеряли связь с полицией. Восстановить ее будет трудно. Теперь неизвестны их замыслы.

Перовская.—Все равно, они погибнут!

(Пауза.)

Суханов (снова бросает взгляд на Перовскую, Фроленко).—Все нет. Не случилось ли чего-нибудь?

Фроленко (спокойно).—Придут.

Кибальчич (входит с цилиндром в руках. Осторожно ставит цилиндр в углу у двери).—Сотрясение опасно... Осторожней, прошу... Большое количество... Достаточно, чтобы взорвать дом...

Суханов.—Что это?

Кибальчич.—Нитроглицерин...

Желябов (с усмешкой).—Угощение для полицейских, которые пожелают к нам заглянуть.

(Звонок в прихожей. Движение среди присутствующих.)

Голоса.—Полиция!

Перовская (вынимает револьвер).—Если войдут, я выстрелю в нитроглицерин.

Желябов (в восхищении).—Молодец, Соня!

(Два удара в дверь.)

Перовская (прячет револьвер).—Наши. (Уходит.)

(Входят Якимов и Богданович в костюмах купчихи и купца. За ними Перовская.)

Богданович (громко).—Здрасьте, братцы. (Садится.) Фу, жара! Весна на дворе.

Желябов.—Снял?

Богданович.—Снял.

Якимова (оживленно).—Сняли! Сняли!

Суханов.—Благополучно?

Богданович.—Я думаю. (Важно.) Чем не купец?

Якимова.—Купеческая чета Кобозевых! (Смеется.)

Богданович.—Одна рожа чего стоит: цвета тумпакового самовара. А борода? Лопатой, рыжая. За словом в карман не лезем. Пришли—шапки гнут. Пожалуйста, ваша честь. Что прикажете, ваша честь.

Фроленко.—Помещение такое, как предполагали?

Богданович.—Я говорю, точно для нас сделано. Окна—вровень с мостовой. Два хода: один на улицу, другой во двор. Позади лавки—комнатушка для жилья, маленькая. Из нее по моему и вести подкон. Лучше не надо. Никто не заметит.

Якимова.—Только сыро ужасно. Весь пол в воде.

Богданович.—За это самое и лавку никто не снимал. Ремонт будут делать.

Суханов.—Задержат?

Якимова.—Через два дня.

Богданович.—Торопить буду. Смажу. Небось, сделают скоро.

Фроленко.—Место выбрано, действительно, хорошо. Узкая улица. Во время проезда царя безлюдно. Нетрудно подвести подкоп и заложить мину. Никто не заподозрит, что в молочной лавке засели революционеры.

Перовская.—Мы выследили точно поездки царя. Каждое воскресенье утром он проезжает по Невскому и Садовой в Михайловский манеж на парад. (Пауза.)

Желябов.—Что же, товарищи? Значит, решено окончательно? Смертный приговор над царем должен быть приведен в исполнение?

Перовская (решительно).—Должен.

Желябов (обращается к Ивану, который совещается в углу с двумя рабочими).—А вы как же, товарищи? Исполнительный комитет пригласил вас на сегодняшнее совещание, чтобы предложить вам принять участие в нашем деле. Мы вместе с вами не один год боремся за народное благо.

Иван. (медленно).—Не дело...

Желябов. (удивленно).—Что?

Иван.—Не дело делаете.

Перовская (с иронией).—Почему?

Иван.—Что толку за царями да за начальниками, словно за зверьми, бегать? Одного убьешь—другой сядет. И все тут.

Желябов.—Свергнув царя, мы освободим живые силы народа. Они придут в движение. Общество воспользуется благоприятным моментом и выявит свои политические требования. (С под'емом.) Наше выступление вызовет революцию.

Перовская.—Верно, Тарас!

Иван (Желябову).—Э-эх, ни боба не выйдет! Сколько вас? Пятьсот человек не наберешь на всю Россию. (Угрюмо.) Рабочие вас не поддержат: сами слабы. О крестьянах говорить нечего. Пустое дело. (Рабочие утвердительно кивают головами.)

Перовская (Ивану).—Что же, по-твоему, надо делать?

Иван.—Организовать рабочую массу для борьбы. Вот что. Агитировать надо. Да не о звездах на небе, а о нуждах рабочих, об их, значит, жизни. Сами рабочие берутся за ум. Теперь на любой фабрике найдешь рабочих-социалистов. Подождите: рабочие организуются, тогда никакой царь не будет страшен. Недавно два восстания было. Это—начало. Степан Халтурин—тоже рабочий. (Повышая голос, Желябову.) Послушай меня, рабочего. Брось партизанщину. Пойдем с нами. Скорей достигнешь своего, нежели охотой на царя.

Желябов (резко).—Ты получишь ответ после того, как мы свергнем деспота.

Иван.—Ладно. Мы придем за ответом. (Оглядывается.) Эх, и смешные же вы люди, особенные, право. И говорите-то не по-нашему, не по-рабочему. (Желябову.) Смотри, я приду за ответом. (Уходит с двумя рабочими. Пауза.)

Желябов.—Кто еще желает уйти? Никого. Чем меньше участников, тем вернее успех. (Ударяет себя в грудь.) Исполнительный комитет поручил на этот раз мне встать во главе дела. Я с благодарностью принял такое лестное поручение. Более двух лет идет борьба, стоящая нам неисчислимых жертв. Шесть неудавшихся покушений не образумили царя. Теперь, наконец, он понесет возмездие. За это ручаюсь я, Желябов!

Фроленко (после паузы, спокойно).—Надо еще раз обсудить вопрос о возможности народного восстания.

Желябов (перебивая Фроленко, с подъемом).—Не сочувствие к вешателям и к мраку держит народ в бездействии, а одна постыдная привычка рабства. Кто может учесть настроение народных масс? Часто бывало в истории, что кипучая масса в решительный момент оставалась парализованной, а забитая толпа на удивление всем проявляла энергию. Настоящий момент с его повсеместной голодовкой может вызвать в народе настроение и инстинкты, о которых мы боимся мечтать, и привлечет в революционное движение величины, которые нам неизвестны. Особенно благоприятно положение на юге и в рабочих центрах. Приедет Тригони, он привезет точные сведения. Самому правительству ясно, что народ берется за ум. С Квятковским и Пресняковым расправились тайком, вдали от глаз народа. Почему Лорис, еще недавно смаковавший смерть Молодецкого на Семеновском плацу, не задушил и этих всенародно? Чуют:

настроение масс таково, что грозит их собственной шкуре. Приговор над царем должен быть приведен в исполнение!

Голоса.—Смерть тирану!!...

Желябов.—Тогда за дело. Надо торопиться: царь может уехать или изменить маршрут. (Богдановичу.) Переезжай скорее в лавку. Мы, мужчины, приступим к рытью подкопа. Придется работать ночью по очереди. Я пойду первым.

Голоса.—И я! И я!..

Перовская.—А что буду делать я, Тарас?

Желябов.—Тебе найдется работа.

Перовская.—Сделайте меня хозяйкой лавки.

Якимова (в волнении).—Хозяйка я! Хозяйка я!

Богданович.—Она хозяйка, Соня. Мы с ней и в меблированных комнатах живем... Как муж и жена.

Якимова.—Да, да. Я купчиха Кобозева.

Перовская (с раздражением, Богдановичу).—Мужчина рядом с политической деятельностью не должен отводить место чувству любви к женщине. Иначе он не революционер, а бабник.

Богданович.—Что ты, Соня!

Перовская.—В такой момент—преступление думать о личном счастье.

Богданович.—Эх, Соня, слишком ты требовательна. Не попадись сама.

Желябов (Перовской).—Я тоже против того, чтобы ты была хозяйкой лавки.

Перовская.—Почему? Я принимала участие во всех покушениях.

Желябов.—У тебя будет другое дело...

Перовская (резко).—Это несправедливо, наконец.

Якимова (торопливо, Богдановичу).—Пойдем.

Богданович.—Сейчас, мать. (Надевает шубу.) Фу ты, и шубища же! Купецкая. Прощения просим, братцы. (Кибальчичу.) Прощай, цилиндр. (Показывает на цилиндр.) Опять в нем носишь?

Якимова.—Пойдем, пойдем. (Уходит.)

Желябов.—Выходите по одному. Дворник у нас хороший, но на улице можно налететь на шпика... (Кибальчичу тихо.) Останься.

(Все уходят. Остаются: Желябов, Перовская и Кибальчич.)

Желябов (после паузы, Кибальчичу).—Мог бы ты приготовить... метательный снаряд? Ну, в роде бомбы что-нибудь.

Кибальчич.—Думаю, что могу... Я не работал в этой области, но знаком с устройством метательных снарядов.

Желябов (серьезно). — Мне нужен снаряд.

Кибальчич.—Я попытаюсь сделать.

Желябов.—Больше ничего...

Кибальчич (молча берет цилиндр и уходит).

Желябов (после паузы. Медленно, как бы про себя). — Подкоп опять сорвется, как в Одессе, Александровске, Москве, в Зимнем дворце... Я чувствую это.

Перовская (насмешливо). — Вот как?

Желябов.—Раз были неудачи, почему они не могут быть и теперь?

Перовская.—Тогда зачем ты организуешь подкоп?

Желябов.—Что я поделаю с ними? Они верят только в подкопы.

Перовская (громко). — Не говори так. Не смей говорить! (С горечью.) Это Желябов! Где твоя смелость, твой размах, твоя железная воля? Где твоя кипучая ненависть к врагу?.. (Гневно.) Как ты смел отстранить меня от общего дела? Я не подчинюсь. Я пойду сама.

Желябов (твердо). — Постой. (Пауза. Прислушивается.) Нет еще... (Перовской.) У тебя будет дело.

Перовская.—Какое? (Насмешливо.) Стоять в стороне и смотреть, как рискуют жизнью товарищи.

Желябов.—Безрассудно смелое...

Перовская (взволнованно). — Безрассудно смелое?

Желябов.—Да.

Перовская.—Какое же?

Желябов.—Тебе надо дать в помощь людей...

Перовская.—Людей?

Желябов.—Молодых энтузиастов, дерзких и храбрых до самозабвения.

Перовская.—Где же такие люди?

(Звонок в прихожей.)

Желябов.—Вот они.

(Пауза. Желябов уходит. Возвращается с Гриневицким.)

Гриневицкий (застенчиво). — Простите, я, кажется, слишком рано...

Желябов.—Входи, друг мой. Я поджидаю тебя. (Гриневицкому и Перовской.) Знакомьтесь.

Гриневицкий. (Смущенно кланяется.)

Перовская.—Здравствуйте. (Пауза.) Хотите чаю?

Гриневицкий.—Не беспокойтесь, пожалуйста... Я не хочу... (Пауза.)

Перовская.—Вы недавно в партии?

Гриневицкий.—Нет... Уже несколько месяцев...

Перовская.—Где вы работаете?

Гриневицкий.—С Франжоли... В учительском кружке. Потом кружок на заводе... Потом в типографии...

Перовская.—И вы довольны работой?

Гриневицкий.—Да... Конечно... Но, видите... Мне хотелось бы... (С надеждой на Желябова.) Мне обещал Тарас другую работу.

Перовская.—Какую?

Гриневицкий.—Более ответственную... (Пауза.)

Перовская (тихо).—А вы очень хотите получить... ответственную работу?

Гриневицкий (с подъемом). Конечно, хочу! Что может быть прекраснее: отдать свою жизнь за народ! (Пауза.)

Перовская.—Как вас зовут?

Гриневицкий.—Игнатий Иоакимович...

Перовская.—У вас даже нет партийного имени?

Гриневицкий (сконфуженно мнет фуражку). Да... еще нет...

(Звонок в прихожей. Желябов выходит. Входит с Михайловым.)

Желябов (Михайлову). Садись. Надо подождать еще одного.

Михайлов.—Что же, подождем... Нам не к спеху...

(Пауза. Звонок. Желябов вводит Рысакова.)

Желябов (указывая на Рысакова).—Наш новый товарищ. (Всем.) Садитесь ближе. Дело большое, а времени мало. (Пауза. Все смотрят на Желябова с нетерпением. Он обводит присутствующих взглядом и начинает говорить, отчеканивая каждое слово.)

Желябов.—Вы знаете программу нашей партии. Народное благо и народная воля—вот наши принципы. Мы, социалисты и народники, верим, что только на социалистических началах человечество сможет воплотить в своей жизни сво-

боду, равенство и братство, обеспечить общее благосостояние и всестороннее развитие личности.

Михайлов (угрюмо).—Хуже скотов рабочие. Стонут...

Рысаков (нетерпеливый жест).

Желябов.—Народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического. Как рабочий—он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев. Как гражданин—он лишен всяких прав. Над закованным в цепи, нищим народом, лежат слои эксплуататоров, защищаемых государством. Государство держится голым насилием.

Михайлов.—Каждый рабочий это понимает...

Рысаков (Михайлову).—Я хочу слушать его, а не тебя.

Желябов.—Истомленный голодом, измученный самоуправством администрации, постоянно теряющий своих сынов на виселицах, на каторге,—народ русский не может жить так дальше. Центральный Комитет партии „Народная Воля“ решил взять на себя почин политического переворота с целью передачи власти народу.

Михайлов.—Правильно. Народ пусть сам возьмет... Рабочие и крестьяне...

Рысаков (взволнованно).—Правительство приступило к реформам...

Желябов.—Общественная реформа в России—это революция.

Михайлов (Рысакову).—Дадут они... жди.

Желябов.—Мы представили правительству свои требования... Покончить самоуправство и возвратить России ее естественные права. На наш ультиматум правительство ответило новыми казнями. Наступил момент решительной борьбы. Война начата не на жизнь, а на смерть. Силы русского правительства, достаточные для того, чтобы сокрушить целые государства, напрягаются до крайних пределов, чтобы задушить революционное движение. Либо правительство сломит движение, либо революционеры свергнут правительство. В подобное время честный человек не имеет права сидеть сложа руки: он должен встать активно на ту или иную сторону. Центральный Комитет обращается к вам с призывом к бесстрашной борьбе за наш идеал правды.

Гриневицкий (с энтузиазмом).—Мы согласны!

Михайлов.—Прикажь,—все сделаем.

Желябов (Рысакову).—А ты?

Рысаков (медленно).—Что вы хотите делать?

Желябов.—Уничтожить силой врагов народа.

Рысаков (тихо).—Кого?

Желябов.—Пока не могу сказать.

Рысаков (после паузы).—Террористический акт, т.-е. убийство... А ты говорил: „Долой смертную казнь“...

Желябов.—По отношению к правительству, как к врагу,—цель оправдывает средства. Наша партия и правительство—два враждующих лагеря. Если правительство из собственных интересов делает поправки к заповеди „Не убий“, то партия ради блага всего народа имеет на это большее нравственное право.

Перовская.—Разве преступление—раздавить паразита?

Гриневицкий.—Геройство!

Михайлов.—Нас вешать—не преступление?

Желябов (Рысакову).—Ты дал мне слово...

Михайлов (Желябову).—Да брось его! (На Гриневицкого.) Мы с ним вдвоем все сделаем... Не надо его... Вишь, боится...

Рысаков (быстро).—Согласен.

Желябов.—Я не сомневался, что ты исполнишь свой долг. Вы трое составите отряд метальщиков. Руководить вами будет Соня.

(Перовская радостно жмет Желябову руку.)

Рысаков.—А ты?

Желябов.—Я тоже буду с вами. В условленное время вы займете посты, имея с собой метательные снаряды.

Рысаков.—Нас схватят...

Гриневицкий.—Надо уметь жертвовать собой!

Желябов.—Вам будет обеспечена возможность скрыться. Главный удар будет в другом месте. Может быть, вам не придется вовсе действовать. Во всяком случае, дело серьезное. Надо к нему подготовиться тщательно. Приходите завтра в девять утра на Тележную улицу, дом 5, квартира 12. Запомнили: Тележная, дом 5, квартира 12... Вам прочтут лекцию об устройстве метательных снарядов. (Встает.) Теперь пора расходиться.

Рысаков (нервно).—Как?! Итти домой? Сейчас?.. Я не хочу. Я не могу быть один. У меня есть вопросы.

Желябов.—Завтра переговорим.

Рысаков.—Я не могу быть один. Понимаешь: один!

Пауза. Хватает шапку.) Прощай... (Убегает.)

(В прихожей с шумом хлопает дверь.)

Михайлов (злобно).—Зачем нам такой? Не надо его. Доведет до беды. Не наш он.

Желябов.—Я ручаюсь за него.

Михайлов.—Тебе видней. А только не наш он. (Гриневицкому.) Пойдем, что ли... Не надо его... Доведет до беды...

Гриневицкий (Желябову).—Спасибо! (Перовской.) Спасибо. Я... Я очень взволнован... Я не могу выразить. Но знайте, что я... сделаю все... Спасибо... (Идет к дверям вслед за Михайловым.)

Перовская (останавливает Гриневицкого).—Постойте. Я придумала вам партийное имя. Хотите, мы будем звать вас Котик?

Гриневицкий.—Пожалуйста.

Перовская.—Какой вы хороший, Котик!.. (Гриневицкий уходит.)

Желябов (Перовской).—Теперь ты видишь, и у тебя будет дело.

Перовская (восторженно).—Ты никогда не говорил так, как сегодня!

Желябов.—Я сказал: на этот раз приговор над царем будет приведен в исполнение. Если сорвется подкоп, если не удастся твое нападение с метальщиками,—я сам убью царя ножом. Я встану впереди всех.

Перовская (бросается к Желябову).—Я верю в успех, потому что ты с нами!

Картина вторая

Третье отделение собственной его величества канцелярии.

Кабинет начальника жандармского управления.

Лорис-Меликов.—Что же я доложу его величеству?

Комаров.—К сожалению, нет ничего нового, ваше сиятельство.

Лорис.—Повторяю, его величество весьма заинтересован работой жандармского управления. Он неоднократно посещал сам вас, чтобы лично ознакомиться с положением дел. Он постоянно обращает мое внимание на необходимость усиления деятельности полиции.

Комаров.—В ближайшие дни будут достигнуты решительные результаты, ваше сиятельство. Можете об этом доложить его величеству.

Лорис (с усмешкой). — В ближайшие дни!.. Год тому назад государственный преступник Гольденберг выдал всех главнейших членов революционной партии, ее программу и планы. Вам известны вожаки: крестьянин Желябов и Перовская,—к несчастью, дочь крупнейшего государственного деятеля—генерала Перовского. (Сухо.) До сих пор никто из них не схвачен. Покушения на священную особу государя императора следуют одно за другим. Страшно подумать: готовится новое покушение. (С раздражением.) Полиция бессильна уничтожить кучку злоумышленников, действия которых находят осуждение решительно во всех слоях общества. Дело доходит до того, что даже к вам, в 3-е отделение, проникают их шпионы... Скандал.

Комаров.—Виновные понесут строгое наказание...

Лорис.—Об этом я подожду пока докладывать, чтобы не расстраивать его величества... Но о государственном преступнике Окладском я должен доложить. Срок истекает.

Ко м а р о в. — Убедительно прошу, ваше сиятельство, исходатайствовать для Окладского еще несколько дней. Совершенно необходимо.

Л о р и с. — Он получил неделю жизни за сообщение о готовящемся покушении. Цена хорошая... Может быть, это сообщение тоже нуждается в проверке?..

Ко м а р о в. — Покушение, действительно, готовится, ваше сиятельство. Вчера из-за границы получена депеша: в Петербург выехал крупный революционер, по кличке Милорд. Его хорошо знают на юге. Окладский сейчас необходим, ваше сиятельство. Я сам его обработаю. Их всех надо натравить друг на друга. Обольстить свободой и деньгами. Пусть грызут друг друга и предают.

Л о р и с (после паузы). — Хорошо. Я постараюсь уговорить государя дать Окладскому еще два дня. Но через два дня, если ничего существенного я не смогу доложить, — он будет повешен. Имейте это в виду. (Уходит. Комаров звонит. Входит дежурный офицер.)

Ко м а р о в (резко). — Где вы были? Час звонить вам? Молчать! Перепелкина ко мне!

О ф и ц е р. — Еще не прибыл, ваше превосходительство.

Ко м а р о в. — Безобразия! Привезли из крепости арестанта?

О ф и ц е р. — Никак нет.

Ко м а р о в. — Безобразия! Где Яшухин?

О ф и ц е р. — Здесь.

Ко м а р о в. — Ко мне.

(Офицер исчезает. В комнату входит Яшухин — старик-чиновник 3-го отделения. Трясется от страха.)

Ко м а р о в. — Ты что ж, негодяй? А?! Кто у тебя в отделении делопроизводителем? Шпионы! Социалисты!! Преступники!!!

Я ш у х и н (падает на колени). — В... Ваше...

Ко м а р о в (кричит). — Разнесу! Закатаю!! Да ты сам не из их ли числа? А?!

Я ш у х и н. — Помилуй бог...

Ко м а р о в. — Откуда взял этого Клеточникова?

Яшухин.—Ей-богу, не виновен... Ни в чем не виновен... Кутузова Дарья рекомендовала... Говорила—„такой уж хороший, такой уж хороший“... И знает, говорила... А он социалист проклятый... Подвела... Подвела, ваше превосходительство...

Комаров.—Какая Кутузова?

Яшухин.—Акушерка, ваше превосходительство. Она у меня шестую дочку принимала. В секретных сотрудниках служит... Подвела... Подвела, проклятая. Пристала: устрой, да устрой... Вот и устроил...

Офицер (в дверях.) — Перепелкин.

Комаров.—Ко мне! (Кричит.) Кутузову арестовать! (На Яшухина). Этого тоже.

Яшухин.—Ваше превосходительство... Тридцать лет беспорочной службы... Жена... Дети... Акушерка подвела... Ей-богу, подвела...

(Офицер выталкивает Яшухина, Входит Перепелкин.)

Комаров.—Опоздал. Только что уехал господин министр. (Быстро.) Ну, что? Захвачены квартиры?

Перепелкин.—Захвачены-с, ваше превосходительство: и на Под'яческой и на Подольской.

Комаров (радостно потирает руки).—Так. Так. Что же в них?

Перепелкин.—Ничего-с.

Комаров.—Как ничего?

Перепелкин.—Пустяки-с сущие: динамиту немножко, да всякой этакой мерзкой литературишки мешочка два...

Комаров.—А преступники?

Перепелкин.—Никого-с. Пусто. То-есть ни единой живой души-с.

Комаров.—Негодяи успели скрыться!

Перепелкин.—Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство: все равно, у нас будут-с. (Понижает голос.) Милорд выслежен.

Комаров.—Где? Когда?

Перепелкин.—Поймали на вокзале-с. Шаг за шагом шли. Глаз не спускали. Хе-хе-хе! Остановился в меблированных комнатах Миссьюро на Невском.

Комаров.—Арестовать!

Перепелкин.—Осмелюсь заметить: повременить бы денек-другой. Полезно-с. Пусть поживет в свое удовольствие. Хе-хе! Приятели зайдут, поговорят по душам, то-другое-с... А мы слушаем. Да выберем минутку: пожалуйста-с прогуляться. Хе-хе-хе!

Комаров.—Ха-ха-ха! А приятно было бы разом несколько карасей подцепить? А?!

Перепелкин.—При-ятно... Только для этого, ваше превосходительство, человек особый нужен. Всенепременно-с! Чтоб язык их понимал и на глаз определил,—кто карась, а кто, извините за слово-с, пискаришка ничтожнейший. Сами-с понимаете,—дело тонкое. Человек особенный нужен с. Всенепременно!..

Комаров.—Стой! Дам человека. Только смотри. Секретно. Понял?

Перепелкин.—Понимаем-с. (Таинственно.) И еще одно препятствие-с имеется. Смешное-с, а все же довольно досадное-с... Способное оказать, так сказать, непредвиденные затруднения с.

Комаров.—Какое?

Перепелкин.—Досаднейшее обстоятельство! Судите сами, ваше превосходительство. Рядом с номером, где поселился Милорд, имеется только одна смежная комната. Чудеснейшая комната! Стена-с, ну, прямо точно из одних обоев. Честное слово, первый раз такую вижу. Не только разговор, шорох слышен. А если так... дырочку провертеть... Все-с, словно в самом ухе.

Комаров.—Ну?

Перепелкин.—Ничего-с не поделать...

Комаров.—Почему?

Перепелкин.—Проживает в этой комнате, ваше превосходительство, некто капитан в отставке Баранов 2-й. Пре-

страннейший человек! И даже, можно сказать, некультурный-с. Подумайте, ваше превосходительство. Я ему говорю: так и так-с. Разрешите из вашей комнаты понаблюдать-с... А он вдруг отвечает:—пошел вон, мерзавец. И к тому же-с громко и со странными жестами-с.

Комаров.—Немедленно привести ко мне этого человека! Я его обработаю!

Перепелкин.—Слушаюсь-с. (После паузы.)—Ваше превосходительство, за столь ревностное для отечества дело прибавочку жалованья следовало бы получить. Осчастливьте надеждой-с.

Комаров.—Хорошо. Если ты мне карасей словишь,—получишь. Понял?

Перепелкин.—Словлю-с, ваше превосходительство. (Уходит.)

Офицер (шопотом в дверях).—Привезли из крепости.

Комаров.—Никого не пускать. Стой у двери. Малейший шум—ко мне... Веди!

(Офицер скрывается. Вводят Окладского. Костюм арестанта.)

Комаров (после паузы).—Вошел в сношение с соседним казематом?

Окладский (глухо).—Да.

Комаров.—Что узнал? (Пауза, повышая голос.) Что узнал?

Окладский (медленно).—Студент... Молодой народоволец. Только что начал работать...

Комаров.—Дальше.

Окладский.—Готовится террористический акт... Где-то на... Малой Садовой...

Комаров (лихорадочно записывает).—На Малой Садовой... Ну? Что же? Что же еще?!

Окладский.—Больше ничего не знает...

Комаров.—Как ничего? Это все? Ты думаешь этим отделаться?!

Окладский (повышая голос, нервно).—Мало вам! Кто выдал мину под Каменным мостом? Кто указал адреса конспи-

ративных квартир? Кто сейчас выдал Садовую? Что вам надо еще! Душу, что ли, вам свою отдать?

Комаров.—Т-с! (Медленно.) Вот ты как заговорил... А хочешь, я пошлю обратно на виселицу? А?! Покачаться на качелях... Хочешь? Приговор не отменен. Стоит мне приказать... (Берется за звонок.)

Окладский.—Я не могу, поймите, поймите... (Быстро.) Нет, нет... Я... я согласен. Я согласен на все...

Комаров.—Много стоят твои показания. Ложь. Шантаж.

Окладский.—Клянусь, я честно исполню все, чего вы хотите. Тюрьма и виселица отучают от наивности. Дайте мне жизнь, я буду действовать не оговором, а выдачей террористов. Я приложу свои конспиративные способности на практике. Я знаком в лицо с большинством из виднейших террористов. Мне известны все способы их действий...

Комаров (после паузы).—Я сделаю последнюю попытку. Но предупреждаю тебя, государственный преступник Окладский, что если она окажется неудачной,—все будет кончено.

Окладский (шепотом).—Я согласен.

Комаров (звонит, офицеру).—Переодеть в штатское, представить обратно мне. Секретно.

Офицер.—Слушаю, ваше превосходительство. (Уводит Окладского.)

Комаров (довольный).—Прекрасно... (Пишет.) Произвести немедленно негласный обыск во всех подвальных помещениях на Малой Садовой улице... Генерал Комаров... Прекрасно.

Перепелкин (в дверях).—Можно-с?

Комаров.—Входи.

(Шум за дверью. Перепелкин входит с Барановым. Пауза.)

Баранов.—Куда меня привезли? По какому праву схватили, пять дьяволов и одна ведьма!

Комаров.—Прошу вас говорить спокойно. Вы находитесь в 3-м отделении собственной его императорского величества канцелярии. Кто вы такой?

Баранов.—Капитан 1-го ранга в отставке Баранов 2-й

Кома ров.—Почему вы оказали сопротивление полиции при исполнении ею служебных обязанностей?

Ба ра но в.—Я оказал сопротивление? Кому?

Кома ров (на Перепелкина).—Вот свидетель. Прошу не возражать. Знаком вам молодой человек, поселившийся рядом с вами в номере?

Ба ра но в.—Как переехал — познакомились. Славный, честный молодой человек.

Кома ров (торжественно).—Важный государственный преступник, замышляющий тягчайшее преступление, разыскиваемый полицией. Вы должны оказать нам помощь. В вашей комнате мы сделаем засаду. Будем вести наблюдение.

(Офицер вводит Окладского. Он в штатском.)

Кома ров.—Вот человек, который поможет вам. Ваш племянник, приехавший из провинции. Иван Александрович Петровский. Запомнили? Петровский! Он поселится у вас. В вашем распоряжении, кроме того, будет постоянно отряд переодетых полицейских.

Ба ра но в (после паузы).—Значит, вы предлагаете мне сделаться шпионом?

Пе ре пе л ки н.—Какие слова, прямо возмутительно-с...

Кома ров.—Я предлагаю вам, как военному, исполнить ваш долг перед государством, который вы, кажется, забыли.

Ба ра но в.—Я забыл свой долг? Нет, об этом вы судить не можете. Я честно исполнял свой долг. Я 30 лет провел на море, рискуя жизнью. Я рядом с Корниловым защищал Малахов курган. На моих руках под пулями умер великий адмирал. Я не отошел от него, несмотря на шестнадцать ран. Я имею три Георгия. Никто не может сказать, что я не исполнил своего долга, пятнадцать дьяволов и семь ведьм! Только вот что я вам скажу прямо: мы, старые морские волки, привыкли смотреть вперед, не опуская глаз, и резать правду-матку. Шептуном, соглядатаем, доносчиком,—никогда не был Баранов 2-ой и не будет! (На Окладского.) Да еще в компании со всякими... личностями...

Кома ров (в бешенстве).—Я заставляю вас!

Баранов.— Меня? Я пил коньяк на палубе во время тайфуна, я неделю носился по океану на бочке, ходил с голыми руками на батарее французов и англичан... У меня есть честь, честь моряка, тридцать дьяволов и шестнадцать ведьм! И эту честь я не променяю ни на что!

(На пороге появляется император Александр, за ним—Лорис. Все в смущении встают.)

Баранов (не замечая ничего). — Этот молодой человек по-вашему важный преступник... Так ловите его сами. Я не приложу к этому делу своих рук. Никогда.

Александр.— Даже, если прикажу я?..

Баранов (останавливается).— В... Ваше величество...

Александр.— Я приказываю тебе.

Баранов. (Пауза).— Слушаю, ваше величество...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОУНБ им. В. Г. Белинской
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Картина первая

Малая Садовая улица. Подвал, разделенный дощатой перегородкой на две неравные части. В большей—молочная лавка, в другой—комната для жилья. Две двери: одна—на улицу,—с шестью каменными ступеньками, другая—во двор, черная. Под потолком небольшие окна. Через них виден тротуар и ноги проходящей публики. Всюду кадки, бочки, жбаны, ящики. В лавке большой образ Георгия Победоносца. Горит лампада. На прилавке спит кот. В комнате для жилья окна тщательно завешены. Дощатая обшивка стены под одним окном разобрана. Видно отверстие подкопа на улицу. Желябов, Богданович и Суханов без пиджаков молча работают у подкопа. В лавке, кутаясь в платок от холода, дежурит Якимов. Утро.

Суханов (шопотом в отверстие подкопа.)—Что случилось?

Желябов (из подкопа.)—Водосточная труба. (Пауза. Вылезает из подкопа.)

Богданович.—Опять труба? Фу ты! Запутаешься. Обойди ее.

Желябов.—Водопроводные трубы обходил: они тонкие. А эта высотой аршин. Обойдешь!

Богданович.—Подрой под нее.

Желябов.—Вода.

Богданович.—Ну, сверху.

Суханов.—Что ты? Поедут ломовики, мостовая рухнет.

Богданович (рассеянно.)—Так что же делать, братцы?

Желябов.—Нашел! Где инструменты? Свети. (Богдановичу.) Труба деревянная, понимаешь?

Богданович.—Так что ж, что деревянная?

Желябов.—Пройдем через нее.

Богданович (радостно.)—Я ж говорил! Конечно, через нее, окаянную. Чего с ней церемониться! (Желябов снова лезет в подкоп.)

Желябов (подает Суханову землю на лопате).—Прими.

Суханов.—Есть. (Сбрасывает землю в бочку.)

Богданович.—Полно, братцы. Только для сыра место осталось. (Закладывает сырами место в бочке.) Фу ты, ей-богу, все бочки до краев завалили.

Желябов (из подкопа).—Прими еще.

Богданович.—Некуда.

Суханов.—А диван...

Богданович.—Я ж говорю! Конечно, в диван. (Стук в дверь с улицы.)

Голос (за сценой).—Хозяйка! Эй, заспались, отворяй!

Якимова (в дверь шопотом, Богдановичу).—Лавку открывать пора. Слышишь?

Богданович (Якимовой).—Подожди. Труба поперек встала. (Пауза. Богданович со свечой наклоняется у подкопа).

Желябов (Суханову).—Прими. (Подает землю.)

Суханов.—Есть.

Богданович (Желябову).—Лавку, брат, надо открывать. Кончай.

Желябов (вылезает).—Кажется, готово. Чуть не задохнулся. Хорош?

Суханов.—Ставь мину и жди, как в море. Наскочит—пошел ко дну.

Богданович (опускается на диван).—Опять всю ночь проработали, братцы. Здорово.

Суханов.—Только раз вот так уставши был, помню. В Японском море в шторм вахту стоял. (Желябову.) Я могу итти? Когда я здесь, у меня какое-то неприятное чувство. Вдруг найдут меня под землею, роющегося, как крот...

Якимова (в дверь).—Скоро ли вы, наконец? Покупатели стучат.

Желябов.—Сейчас. (Суханову.) Иди.

Богданович (удевает белый фартук, Желябову).—А мне еще торговать надо.

Желябов (устало, Богдановичу).—Подкоп-то закрой.

Богданович.—Я ж говорю! (Заставляет доски, вынутые из обшивки стены.) Догадайся, что тут есть...

Желябов.—Крепко?

Богданович (пробует доску).—Выдержит.

Якимова (приготавливает лавку к открытию. Внезапно, с отчаянием).—Молока нет! Торговать нечем.

Богданович (осматривает несколько жбанов).— А это что, не молоко?

Якимова.— Не хватит. На дне осталось.

Богданович.— Не хватит? (Наливает в жбан воду). Теперь хватит.

Якимова.— Что ты?! Разве можно таким молоком торговать?!

Богданович.— А каким же иначе? Нам тоже прибыль свою держать надо. Да и то хорошо, народ ходить меньше будет.

Желябов.— Попадется вы.

Якимова.— Я открываю лавку. (Суханову.) В воротах дворник. Осторожней.

Суханов.— Есть. (Уходит через черный ход.)

Желябов.— Я у тебя отдохну немного.

Якимова.— А вдруг заметят?

Желябов.— Меня не заметят. (Проходит в комнату для жилья. Якимова отворяет дверь на улицу.)

Кухарка (входит).— И что вы, право. Везде давно торгуют, а у вас все заперто. Который раз захожу. Ужо буду ходить к другим.

Богданович.— Задержались, бабушка.

Кухарка.— Знаем, где задержались. Сама молода была. Посмотрите на себя: словно всю ночь плясали. Тьфу, бесстыдники! Скажу: аль с женой бабиться, аль торговлю вести. Дай молока три бутылки. Свежее молоко-то?

Якимова (кашляет, уходит в комнату для жилья, начинает развешивать белье, чтобы закрыть подкоп и Желябова, полулежащего на диване).

Богданович.— Парное, бабушка. Сегодняшнего удоя.

Кухарка (садится).— И до чего меня в зеленой ошарашили: придти в себя не могу.

Богданович.— Скажи, пожалуйста.

Кухарка.— Ей-ей. Сметаны полфунта. На кружку. (Таинственным шопотом.) Унтер рассказывал: снова сицилисты на государя злодейство чинят.

Богданович.— Да что ты?

Кухарка.— Подкоп роют, а где—неизвестно. Взорвать царя хотят. И начальствует над тем подкопом баба, красоты писаной. Послал господь напасть по грехам нашим. И изловить ведь их, дьяволов, трудно.

Богданович.— Почему так?

Кухарка.—С чортом снюхались. У них на шее креста нет, а в доме—икон. (Крестится на икону Георгия Победоносца).—Все, кажись. На, получай. А ты что, не видел этих, сицилистов?

Богданович.—Не приходилось, бабушка.

Кухарка.—Я одного видела. С рожи как бы цыган, аль жид. Глазищи кровью налиты, зубами так и щелкает... Зверь-зверем. Батюшки, заговорила с тобой. Будет барыня лаяться. (В дверях). Ты того, про царя-то ни-ни. Я по знакомству сказала. А то еще посадят. (Уходит.)

Якимова (в теплом платке).—Пойду на Тележную...

Богданович.—И красавица же ты у меня—писаная. (Смеется).

Якимова.—С ума сошел.

Богданович.—Начальствует над подколом красавица писаная.

Якимова.—А ну тебя! (Уходит.)

Богданович.—Холодище. В самом деле зубами защелкаешь. (Зевает.) Спать охота—страсть.

Горничная (быстро входит).—Бонжур. Ах, что мне нужно? Забыла. Масла дайте. Только, если не свежее, покорно мерси. Полфунта. (Смотрит на ноги.) Фи, новые туфли нельзя надеть! Грязища. Никакой цивилизации. Чего полиция смотрит? Завтра по улице государь поедет. Все высокое общество променад начнет... Я тоже собираюсь. А они подмести не могут.

Богданович (передает масло).—Пожалуйста.

Горничная (жеманно).—Мерси... Еще сыру дайте фунт. Самого лучшего... Ах, устала! Очень натура у меня нервная. Слава богу, живу у образованного человека. Обращение самое деликатное. (Показывает чулок на ноге.) Нравится? Шелковые.

Богданович.—Добрые чулки. (Зевает.)

Горничная.—Барин подарил. (Гордо.) Скоро с ним в театр поеду. Ах, главное, обращение деликатное!

Кухарка (вбегает с шумом, кричит Богдановичу).—Жулик ты эдакий! Какое молоко продал? Парное, говорит. Скислось!

(В дверях появляются Перовская и Гриневецкий. Оба хорошо одеты. Перовская барыней под вуалью. Гриневецкий студентом. Перовская приближается к прилавку. Гриневецкий достается в тени. Горничная бросает взгляды на красивого студента, оправляет платье).

Богданович (с недоумением).—Скислось. С чего бы ему скиснуть?

Кухарка. — Деньги давай обратно. Я тебе покажу, как надувать народ. Протокол составлю. Чтоб я к тебе ногой когда больше,—жди. Шантрапа!

Богданович. — Возьмите ваши деньги, бабушка, и не сердитесь.

Горничная (томно). — От этих необразованных людей одни неприятности. Такой крик, все нервы лопнут.

Кухарка (горничной). — Что?!. Лопнут? Да у тебя давно все лопнуло.

Горничная. — Фи! Даже слушать противно...

Кухарка. — Нечего барыню корчить. Про тебя весь дом знает. Заместо мамзели живешь. Как ни на есть — гулящая.

Горничная. — Очень глупо, что вы говорите. Я даже удивляюсь, как господа мужчины вас из лавки не выгонят. (Уходит.)

Кухарка. — Ах, ты, дрянная такая! Тьфу, опять задержали! Снова барыня лаяться будет. (Убегает.)

Богданович. — Что прикажете, сударыня?

Перовская. — Пожалуйста, полфунта рокфору. (Меняет голос.) Берегись, за лавкой следят. Прими меры. За Сухановым погоня.

Богданович (пораженный, протирает глаза). — Что-о?!

Перовская (поднимает вуаль).

Богданович (вскрикивает). — Соня!

Перовская. — Скорее.

Богданович (нервно). — Да ведь там Тарас.

Перовская (бросается в комнату). — Тарас! Тарас!

Желябов (просыпается). — Соня.

Перовская. — Кругом лавки полиция. Уходи, тебя схватят.

Желябов. — Боюсь я их!

Перовская. — Уходи. Прошу тебя, уйди скорее... Иди домой. Я тоже приду. Слышишь? Иди домой... Ну... Сделай это для меня....

Желябов. — Меня ждет Тригони.

Перовская (после паузы). — Тригони... Да... Иди к нему.

Желябов. — Верно, Соня. (Входит в лавку, Богдановичу.) Где ваша полиция?

Богданович (Желябову). — Иди через черный ход.

Желябов. — Я хожу через парадный. Прощайте.

Перовская (серьезно и взволнованно).—Нет.. До свидания...

Желябов (улыбаясь).— До свидания. (Выходит, в дверях сталкивается с Перепелкиным.)

Перовская (быстро опускает вуаль; громко, стараясь привлечь внимание Перепелкина).—Пожалуйста, полфунта рокфору.

Перепелкин (Гриневицкому).—Виноват... Вы тоже изволите покупать?

Гриневицкий.—Нет.

Перепелкин.—Простите, что побеспокоил.

Богданович (Перовской).—Пожалуйте. (Передаст сверток).

Перовская (быстро расплачивается, поворачивается, чтобы уйти).

Перепелкин (загораживает дорогу Перовской).—Виноват-с. (Перовская останавливается. Гриневицкий делает резкое движение, точно хочет броситься на Перепелкина. Богданович застывает на месте.)

Перепелкин.—Платочек обронили-с. (Подает платок.)

Перовская (после паузы).—Это не мой платок.

Перепелкин.—Не ваш? (Рассматривает платок.) Совершенно справедливо. Платочек-то мой-с. Хе-хе! Странно-с. Необычайная ошибка-с! Вроде как бы обман зрения-с. (Перовская молча уходит, за ней Гриневицкий.)

Богданович (Перепелкину).—Что вам угодно?

Перепелкин (смотрит внимательно вслед Перовской).—Чрезвычайно интересная дама. И молодой человек тоже. Чрезвычайно интересная. Я, знаете, дамами очень интересуюсь. Хе-хе! Очень-с!

Богданович.—Что вам угодно?

Перепелкин.—Мне-с? Собственно ничего-с. Так. Шел и зашел. А, впрочем, очень хорошо, что зашел-с. стакан молочка попрошу, почтеннейший. Не откажите. Жарко, знаете, и оттого в горле жажда исключительная.

Богданович (подает стакан молока).

Перепелкин.—Очень вам признателен-с. (Рассматривает внимательно Богдановича). А позвольте полюбопытствовать, не с хозяином ли магазина веду беседу?

Богданович.—Да.

Перепелкин.—Отличнейшее молоко. (Плюет.) Великолепное! Давно торгуете?

Богданович.—Давно.

Перепелкин.—Одни справляетесь, или приказчиков держите?

Богданович.—Один.

Перепелкин.—Хе-хе-хе!

Богданович.—Что вы?

Перепелкин.—Какая чертовщина-с! Ведь вот бывает так, скажите, пожалуйста. В воротах вашего дома попался мне человек, говорит: я приказчик в молочной лавке купца Кобозева. (В дверях появляется дворник, за ним пристав, инженер Мровинский и несколько городских.)

Пристав.—Вы хозяин лавки?

Богданович.—Я.

Пристав.—Мы явились произвести осмотр вашей лавки в технических и санитарных целях.

Богданович.—Осмотр? (Бросает взгляд на Перепелкина.) Гм!

Пристав (дворнику).—Встань в дверях. Не пропускать никого. (Дворник и оба городских становятся у дверей. Мровинскому.) Начнем.

Мровинский (ударяет о пол ногой).—Асфальтовый? А? Трещин нет? А?

Богданович.—Мы за полом следим. Иначе зальет водой.

Мровинский.—Зачем деревянная обшивка стен? А?.. За нее падают крошки сыра, разлагаются. С чем эта бочка? А?

Богданович.—С сыром.

Мровинский.—Почему так много сыра? А?

Богданович.—Надо. Торгуем.

Мровинский (приставу).—Наружная стена цела. Под полом вода. (Стучит ногой в пол.) Это что, сырость? (Указывая на лужу возле стены.)

Богданович.—Масляница,—сметану пролили.

Перепелкин.—Сметана-с...

Мровинский.—А здесь что? (Заглядывает в кадку.) Опять сыр! В первый раз вижу так много сыру. (Указывает на помещение для жилья.) Что за помещение? А?

Богданович.—Здесь мы с женой живем.

Мровинский (входит).—Деревянная обшивка с пола до окна. Зачем? А?

Богданович.—Без обшивки жить нельзя. Сырость.

Мровинский (внимательно осматривает обшивку).—Так! (Заглядывает в бочку.) Опять сыр! (Стучит в пол.) Ну, хорошо.

Пристав.—Что ж, дальше пойдем?

Мровинский.—Да. Пойдем.

Перепелкин (Мровинскому, шопотом).—Самый подозрительный-с подвал. Не иначе, как здесь.

Мровинский (приставу, громко).—Подождите немного. Деревянная обшивка с пола до окна... Любопытно, какой из окна вид на улицу. (Смотрит в окно, опираясь на деревянную обшивку. Неожиданно дергает обшивку со всей силы. Обшивка остается на месте.) Поскользнулся. Крепкая обшивка. (Приставу.) Пойдем. (Богдановичу.) До свидания. (По дороге заглядывает в ящик.) Опять сыр! (Все уходят.)

Дворник (ворчит).—Одно беспокойство людям. Вздумали по всей улице подвалы осматривать. Когда такое было! (Уходит.)

Богданович (от радости начинает дико плясать).

Якимова (входит взволнованная).—Что случилось? Была полиция? (Смотрит с удивлением на Богдановича.)

Богданович (гоголет от восторга).—У нас был обыск! У нас был обыск! Я ж говорил!!.

Картина вторая

Меблированные комнаты Миссуро. Номер капитана Баранова 2-го. Сумерки. На столе бутылка водки. Баранов молча ходит из угла в угол. Угрюм. Возбужден. В темном углу, недалеко от двери, Окладский, — бритый, в штатском платье.

Баранов (внезапно останавливается, слушает). — Идет... Семьдесят пять дьяволов и сорок ведьм! (Наливает рюмку, слушает.) Выше... Слава богу. (Снова ходит.) Опять. (Шаги у дверей. Пьет залпом рюмку.)

Перепелкин (входит тихо. Останавливается). — Хе-хе-хе! Отраднейшая картина! Дядя и племянник... (Баранову.) Извольте-с на радостях встречи вино попивать?

Баранов (тихо). — Мерзавец...

Перепелкин. Да-с, погодка хорошая... Только снег тает, — с крыш капает...

Баранов. — Я не желаю с вами разговаривать.

Перепелкин. — Не буду-с. Хе-хе-хе! Не буду-с. (Окладскому.) А вы извольте помнить наставления? (Подходит к окну.) Через двор напротив, вон там, я стою-с. Жду с нетерпением весточки от вас. А вы платочком. Вот так-с, словно высморкаться. Я сейчас же тут как тут. Только понапрасну не тревожьте, милейший. Нам мелкой рыбешки не надо. Если большой карась заплывет... Хе-хе! Его сцапать приятно. Мы подождем-с... Лучше выждать. Как рыболов-с, говорю. Отличнейшего улова дожидаться можно. Иначе только спугнешь. Хе-хе! (В дверях резкий шопот: начальник!)

Перепелкин (быстро). — Идут. (Окладскому.) Только если большой карась... (Исчезает.)

Баранов. — Сто дьяволов и пятьдесят ведьм! (Пьет. Шаги по коридору, шум отворяемой рядом двери.)

Тригони (за стеной). — Капитан, вы дома?

Баранов (после паузы).—Дома... (Пауза. Стук в дверь, входит Тригони.)

Тригони.—Можно войти? Что с вами, капитан?

Баранов.—Ничего.

Тригони.—У вас гость?

Баранов.—Племянник...

Тригони (Окладскому).—Позвольте познакомиться. С вашим дядюшкой мы встретились недавно, а вот сразу подружился. Я человека узнаю с первого взгляда. А моряка всегда узнаешь. Люблю моряков. Вы не моряк?

Окладский (издает неясный звук).

Баранов.—Нет, он не моряк.

Тригони.—Жаль.

Баранов (делает Тригони незаметный знак).—Гм!

Тригони (громко).—Что вы сказали?

Баранов (бросает подозрительный взгляд на Окладского).—Так... Ничего... Ничего, двести дьяволов и полтора ста ведьм!

Тригони (после паузы).—Простите, капитан, у меня к вам маленькая просьба. (Колеблется.) Дело в том... что я должен неожиданно... уехать из Петербурга.

Окладский (делает резкое движение).

Баранов.—Очень хорошо, молодой человек.

Тригони.—Да, вы находите?.. Мне надо сложиться, и вообще у меня мало времени. Кроме того, еще разные обстоятельства. (Быстро.) Словом, дело вот в чем. Вы сейчас, наверное, пойдете на вашу обычную прогулку по Невскому. Заверните по дороге, пожалуйста, на Малую Садовую. Там имеет лавочку мой хороший приятель. Я ему назначил свидание у себя, мы давно не виделись. Он человек занятой, зачем ему приходить сюда, когда меня здесь не будет. Я не успею к нему заехать, надо спешить на вокзал. Вот записка. На ней и адрес написан.

Баранов (делает знаки).—Гм! Гм!

Тригони.—Пожалуйста, капитан. Вы хороший, добрый и честный человек. Лавочка недалеко от Невского... в доме №...

Баранов (резко, взглянув на застывшего в ожидании Окладского).—Я не собираюсь сегодня гулять!

Окладский (быстро).—Я схожу...

Баранов.—Нет.

Триго ни (подозрительно всматриваясь в капитана).—Простите... Я думал... Мне показалось... Простите. (Уходит.)

Баранов.—Нет, нет, тысяча дьяволов и триста ведьм! Нет. (Пьет, пауза. В коридоре раздаются шаги. Шум за стеной. Возглас Триго ни: Тарас!)

Окладский (поднимается в крайнем возбуждении).—Сам Желябов.

Баранов (громко). — Гм!

Окладский (Баранову).—Т-с! (Подходит осторожно к стене, слушает.) Да, Желябов. (Направляется к окну.)

Баранов (загораживает дорогу. Шопотом).—Не пушу...

Окладский.—Прочь. Моя жизнь в нем.

Баранов.—Не пушу. (Окладский бросается вперед. Несколько мгновений длится молчаливая борьба. Капитан в изнеможении падает на диван. Окладский подходит к окну, машет платком).

Баранов (после паузы, с брезгливостью).—Негодяй... (Бесшумно открывается дверь, появляется Перепелкин и несколько переодетых агентов.)

Перепелкин (шопотом, Окладскому).—Кто?

Окладский.—Желябов...

Перепелкин (радостно).—Желябов!.. (Агентам.) По местам... (Агенты становятся у входа. Баранову.) Зовите Триго ни.

Баранов.—Н... Нет...

Перепелкин.—Что?! (Вынимает револьвер.) Зови. (Стучит в дверь.)

Триго ни за стеной). — Это вы, капитан?

Баранов.—Зайдите... Ко мне...

Триго ни.—Сейчас. (Звук отворяемой двери. Шаги. Входит Триго ни.) Что с вами? (По знаку Перепелкина, агенты схватывают Триго ни).

Триго ни (кричит).—Тарас!

Желябов (вбегает).—Я здесь. (Агенты бросаются к Желябову.) Прочь!

Перепелкин.—Вы арестованы-с, господин Желябов. (Наводит револьвер на Желябова.)

Желябов.—А, ты знаешь Желябова? (Агентам, которые подступают к нему.) Прочь! (Пауза.) Устроили засаду. Рады... Глупцы! Продажные твари! Разве вы не сознаете, что идете против народа, за свободу которого мы отдаем жизнь! Схватив нас, вы думаете покончить с революцией...

Перепелкин (насмешливо). — Да уж теперь ваши планчики сорвались. Хе-хе-хе! Без головы останутся...

Желябов. — Ошибаешься. [Революцию делает не один человек, — народ. Он скоро сбросит с плеч ярмо рабства. Тогда трепещите: народ не прощает тем, кто становится на его пути.

Перепелкин. — Трепещу... Трепещу-с!.. Только разрешите напомнить: вы арестованы-с. Пожалуйте-с. (Агентам.) Берите его.

Желябов. — Я сам умею ходить. (На Окладского, который прячется в тени.) А это кто? Наводчик. Что-то знаком. Прячешься. Все равно, рано или поздно получишь по заслугам. (Перепелкину.) Ну, иди! Показывай дорогу! (Идет к дверям. По знаку Перепелкина трое агентов бросаются на Желябова. Уводят его.)

Тригони (Баранову, с презрением). — Предатель.

(Перепелкин вместе со оставшимися агентами уводят Тригони).

Баранов (шопотом). Пре..датель...

Перепелкин (вбегает. Окладскому). — И вы пожалуйста-с с нами. Чуть было не забыл про вас в радостном волнении. Хе-хе-хе! Даже удивительно. Героя, можно сказать, и вдруг забыл-с. Поздравить позвольте-с. Теперь долголетни будете на земле. (Уходит.)

Баранов (выпивает жадно бутылку до дна). — Предатель.. Не солдат — предатель. Где твоя честь?.. У, негодяй!.. Присягу принимал? Крест целовал? Верою и правдою обещал служить, царю? Вот и служи. Служи, сто тысяч дьяволов! Служи. Служи...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Картина первая

Новая Бумагопрядильня. Грязное и мрачное помещение мастерской. Окно выходящее на фабричный двор. Две двери. Одна—на двор—раскрыта, другая—внутренняя—закрыта. Толпа возбужденных рабочих. Шум, крики, спор.

Первый (кричит).—Не встанем на работу, пока своего не получим! Довольно морочили!

Второй.—За 17-часовой труд—сорок копеек. Как на это жить? Люди мы, аль скоты какие?

Третий.—Из сорока копеек и то норовят удержать. Во дела: все хозяину дохода мало! Он жиреет, а мыдохнем.

Четвертый.—Коль не по нашей вине прогул, сам плати!

Пятый.—Пятак пусть прибавят. Слышь, ребята.—Давай пятак и никаких.

Второй.—Больше тринадцати часов работать нельзя. Навьючили, черти, и гонят круглые сутки. Без отдыха. Самих бы так.

Третий.—За кипяток плати, за больницу плати, за харчи плати...

Первый.—Подмастерьев Ефимова с Волковым в шею! Шпульника Кирилку Семенова тож! Мать их так, слезкой занимают. Не раз примечал. Петьку Родионова из-за них выгнали. Как что—к хозяину.

Голоса.—Где они? Давай их!

Первый.—Ищи! Первые улизнули.

Пятый.—Главное, чтоб пятак прибавили. Слышь, чтоб никак иначе. Пятак, и все тут.

Первый.—Пока своего не получим—не встанем!

Третий.—Как его получишь? Даром хозяин не даст. Уметь надо взять, кричим, а толку нет.

Пятый.—Жалобу начальству подать. Пусть прикажет рабочим пятак прибавить. Самому градоначальнику.

Первый.—Пустое. Прошлым годом наследнику подавали.

Пятый.—Принял?

Первый.—Так принял, что двух зубов нет.

Третий.—Наследник не хуже пристава тянет руку хозяина.

Пятый.—Как же быть, братцы? Что делать-то? Хоть бы пятак прибавили.

Старый рабочий (угрюмо).—Идем к хозяину просить. Всем скопом в ноги. Смилостится. Простит. Молить будем.

Молодой (кричит).—К чорту хозяина и начальство!

Старый. Ого-го...

Молодой. Да, ого-го.

Старый.—Молчи ты, пострел. Послужи с мое на фабрике, другое запоешь. Видали мы: поголодаешь денька три, первый на колени станешь.

Молодой.—Никого не надо: ни хозяина, ни начальства!

(Через толпу протискивается Рысаков. Взмолновенно оглядывается по сторонам).

Первый (резко, Рысакову).—Откуда взялся? Что надоть?

Рысаков (останавливается).

Второй.—Паренек знакомый. Опять газету, что ли, принес?

Рысаков.—Да. (Сует торопливо в руки рабочих №№ „Земли и Воли“).

Пятый (рассматривает газету).—Бумага хорошая.—А только насчет грамоты—не того...

Голоса.—Эй, кто грамоте разумеет?!

Четвертый.—Петруха грамотный.

Голоса.—Петруха, читай! Слышь, Петруха! Читай!

Первый (читает по складам).—„Земля и Воля“. Так... „О долге образованных классов народу и о вытекающих из этого долга нравственных обязательствах“.

Второй (после паузы).—Мудрено что-то...

Третий. Не для нас писано.

Молодой.—Вот я книжку читал, так книжку! „Государственность и анархия“—называется. Бакунин написал. Это книжка! Долой начальство! Чтоб никакого государства. Все народу!

Пятый (Рысакову).—Помоги, родной. Во дело какое: не стерпели, зашабашили, а что дале, не знаем. Пусть пятак прибавят.

Третий.—13 часов работы!

Четвертый.—Без штрафных! (Рабочие упали кольцом Рысакова).

Рысаков (взволнованно).—Я послан... Я пришел объявить, что... Социально-революционная партия предлагает рабочим принять участие в предстоящей кровавой борьбе с правительством... (Нервно). Организуйте боевые рабочие дружины... Готовьтесь к восстанию. Предъявляйте требование созыва всенародного собрания. Требуйте политических свобод...

Старый рабочий (угрюмо).—До свободы тут... Жрать нечего.

Пятый.—Пятак бы.

Третий.—Знаем, для кого эти свободы. Для богатых. Мы, все едино, ни хрена не получим. На деньгах держится и свобода и жизнь—все. У кого мощна больше, тот и господин.

Мальчишка (вбегает, кричит).—Полиция! (Общее движение. Некоторые в панике бросаются к окнам и дверям. Крики: „Спасайтесь!“ „Задавили!“ „Стой!“ „Куда?!“).

Рысаков (с'еживается, быстро прячет в станок литературу).

Старый рабочий.—Говорил, смириться. Нагайками почешут спины. По-другому заговорите.

Мальчишка.—По Обводному каналу на конях скачут. Хозяин послал. Видимо-невидимо. Земля трясется. (На дворе шум. Рысаков приближается к двери).

Голоса.—Ура-а! Шавинские!! (Вбегает несколько рабочих впереди Иван Семенов).

Иван (кричит).—Товарищи! Мы к вам от ткачей фабрики Шау. Мы узнали, что вы зашабашили и тоже забастовали.

Голоса.—Ура-а!

Иван.—Насилу пробились. Трех схватили казаки.

Голоса.—Выручай, ребята!

Иван.—Стой. Так нельзя, товарищи. Надо организоваться.

Голоса.—Правильно!

Первый (показывает на Рысакова).—Вот он в боевые дружины зовет, чтоб, значит, свободу и народное собрание требовать.

Иван.—Ничего они не сделают. Нам надо надеяться на самих себя.

Г о л о с а.—Верно!

И в а н.—Освобождение рабочих—дело самих рабочих. Мы слабы, пока не объединены общим делом. Когда пойдем сообща, никакая сила не устоит против нас. Что говорил Петр Алексеев, которого сослали на каторгу? Или Халтурин, когда союз был? Все мы, рабочие,—крепостные. Все мы продались капиталистам, работаем до последнего пота и ничего не имеем. У всех у нас одна жизнь.

Г о л о с а.—Верно!

И в а н.—Предъявили вы свои требования хозяину?

Г о л о с а.—Где нам! Когда! Как сделать, не знаем!

И в а н.—Давайте писать. Живей. (Садится у станка, его обступают рабочие).

Т р е т и й.—Здорово!

Ч е т в е р т ы й.—Этот наш!

И в а н (пишет).—Мы, рабочие Новой Бумагопрядильни, заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены нижеследующие наши требования.

П я т ы й.—Пятак пусть набавят!

И в а н (пишет).—Первое. Чтобы на каждый вытканый кусок прибавили платы по пяти копеек!

Т р е т и й.—Про прогулы пиши!

И в а н.—Второе. Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.

В т о р о й.—Больше 13 часов работать не будем!

И в а н.—Третье. Чтобы рабочий день считался 13 часов.

П е р в ы й.—Подмастерьев Ефимова с Волковым вон...

И в а н.—Знаю. (Пишет.) Четвертое. Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев Ефимова и Волкова и шпульника Семенова. Нам от них нет житья, и мы с ними не хотим работать.

Г о л о с а.—Все!

И в а н.—Есть еще. Пятое. За время стачки денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяина.

Г о л о с а.—Правильно!

И в а н (пишет).—Шестое. Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем, а тех, что теперь забрали, пусть выпустят... Готово...

Г о л о с а.—Ура-а!

(В дверях появляется пристав и несколько городских. Наступает тишина.)

Пристав.—Что за сборище? Разойдись...

Голоса.—Не пойдем! Пока своего не получим — не пойдем!

Иван.—Мы составили свои требования и желаем их пред'явить.

Пристав (Ивану).—Что за человек? Фамилия? Имя?

Иван.—Рабочий.

Пристав.—Давай бумагу.

Иван.—Нет, не дам. Желаем пред'явить самому хозяину.

Пристав.—Пойдем со мной.

Иван.—Пойдем.

Голоса.—Не ходи один! Все пойдем! Все как есть! Обществом! Пятак давай! 13 часов!... (Все уходят. Остается один Рысаков).

СОУНЬ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Картина вторая

Декорация первого действия. Вечер. На обеденном столе разбросаны чертежи, части снарядов, банки с кислотами, инструменты. За столом Кибальчич, Рысаков, Гриневицкий и Михайлов.

Кибальчич (серьезно).—Техническая комиссия выработала несколько типов метательных снарядов. Все они признаны неудовлетворительными. (Показывает готовый снаряд). Данную форму я усовершенствовал в последнее время. Произведенный вчера опыт действия снаряда оказался удачным. Сила взрыва достаточна.

Рысаков (истерпеливо, Гриневицкому).—Где же Тарас?

Гриневицкий.—Слушай.

Кибальчич (показывает чертеж).—Чертеж снаряда... Устройство его состоит в том, что оловянный груз, надетый на стеклянную трубку, наполненную серной кислотой, разламывает эту трубку при ударе снаряда о какую-нибудь поверхность. Серная кислота, вытекая из трубки, зажигает стопин. Стопин сделан из ниток, покрытых смесью из бертолетовой соли, сахара и сернистой сурьмы. По стопину огонь передается к запалу с гремучей ртутью. Ртуть, взрываясь, сообщает взрыв патрону. От него взрыв передается гремучему студню, состоящему из пироксилина и нитроглицерина. (Все склоняются над чертежами).

Рысаков (подходит к двери, прислушивается).

Кибальчич (показывает снаряд).—В снаряде помещены две стеклянные трубочки: продольная и поперечная. Какой бы стороной снаряд ни упал, одна из трубочек непременно разобьется и произведет взрыв. Вот так: раз, и взрыв.

(За сценой раздаются два сильных звонка).

Рысаков (вскрикивает). —Тарас!

(Пауза. В прихожей таинственный шопот. Движение).

Суханов (входит, направляется к Кибальчичу).

Рысаков (Суханову).—Тарас?

Суханов (склоняется к Кибальчичу, шепчет несколько слов).

Кибальчич (поспешно выходит вместе с Сухановым).

Михайлов (после паузы. Шопотом).—Должно, кто другой.

Гриневицкий (вместе с Михайловым склоняется над чертежами).
—Оловянный груз... стеклянная трубочка... Стопин...

Рысаков (нервно).—Тарас назначил мне свидание. Он должен явиться, раз назначил. (Гриневицкому.) При тебе было.

Кибальчич (входит, непривычно взволнован. Собирает чертежи).—
Лекция кончена. Прошу немедленно разойтись. Центральный
Комитет предлагает всем метальщикам собраться завтра утром
на конспиративной квартире у Геси...

Рысаков (решительно).—Я буду ждать Тараса. Он мне
назначил... Я буду ждать.

Кибальчич.—Тарас не придет...

Рысаков (возмущенно).—Как не придет?! Почему не
придет?

Кибальчич.—Если Тараса нет, значит, он занят... Вы-
ходите по одному. И вообще старайтесь сегодня не ходить
в такие места, где можно быть арестованными. В подобные
минуты аресты как-то возможнее.

Рысаков (быстро идет к двери).—Тарас нас игнорирует. Мы
все равны. Это чорт знает, что такое! (Убегает.)

Михайлов (после паузы).—Пойду и я... (Уходит).

Гриневицкий (Кибальчичу).—Я хочу еще поработать в
типографии. Вчера закончил набор номера „Народной Воли“.
За ночь сверстаю. (Берет шляпу.)

Перовская (появляется в дверях. Едва идет. Белое лицо, глаза
горят).

Гриневицкий (бросается к Перовской).—Что с вами? Сядьте
пожалуйста.

Перовская.—Ничего.

Гриневицкий.—Вы больны?

Перовская.—Немного... Должно быть, простудилась... Спасибо, Котик... (Входят: Суханов, Фроленко. Взмолвленные лица. Пауза. Все взоры обращаются на Перовскую.)

Перовская (с тревогой).—Что случилось? Зачем вы смотрите так на меня?

Суханов (взмолвлено).—К сожалению, Соня, несмотря на твою болезнь, я должен сообщить тебе тяжелую новость. Мы все решили, что это нельзя скрывать от тебя ни минуты.

Перовская (подымается. Руки ее начинают дрожать. Она в упор смотрит в глаза Суханову. Говорит шепотом).—Неужели... арестован...

Суханов (наклоняет голову).

Перовская (громко).—Тарас!..

Суханов.—Да. (Пауза).

Перовская.—Я это предчувствовала. (Со стоном опускается на стул. Пауза.)

Фроленко (подходит к Перовской, спокойно).—Возьми себя в руки, Соня. (Пауза).

Перовская.—Я спокойна. (Суханову.) Как это произошло?

Суханов.—У Тригони была засада. Их арестовали вместе. Подробности неизвестны. Вообще полиция, повидимому, получила новые сведения. Улицы кишат переодетыми сыщиками. Садовая полна ими. Повсюду патрули полицейских. На заводах обыски. Квартиры на Под'яческой и Подольской едва успели очистить... (Сильный звонок в прихожей, другой, третий. Пауза. Фроленко спокойно направляется к двери.)

Суханов (Фроленко).—Не отворяй. Мы будем защищаться до последней капли крови.

Гриневицкий.—Мы будем защищаться!

Суханов (у двери, резко).—Кто здесь? (Пауза).

Богданович (за дверью).—Отворяй... Это я... Свой.

Суханов (отворяет дверь).

Богданович (вбегает в сильном волнении, громко).—У нас был обыск! У нас был обыск!

Голоса.—Когда? Что нашли? Где Якимова?

Богданович.—Сошло благополучно. Ни черта не нашли. Фу, братцы, всю дорогу бежал! (Общий вздох облегчения). Инженер осматривал, пристав и целое полчище шпигов. Вот братцы, дело-то было! У нас везде земля: в бочках, в ящиках,

в жбанах,—езде. Думаю—фью,—попался. Ткни носом в любое место, и готово. А он.. ха-ха-ха!... Ходит и ничего. Понимаете братцы, ни черта не видит. Ха-ха-ха! Чуть было обшивку подкопа не отодрал. Ей-богу. Напугал, окайный, здорово. Я один... Понимаете, один был... (Останавливается, смотрит в недоумении на окружающих). Того... Случилось что, братцы?

Суханов.—Арестованы Тарас и Тригони.

Богданович.—Тарас?! Вот так штука... (Пауза.) Как же теперь быть, братцы? Ведь Тарас все вел. Как же без него? (Пауза.)

Суханов (тихо). — Мина не заложена.

Кибальчич.—Метательные снаряды не готовы.

Богданович.—Завтра, братцы, воскресенье. И думать нечего. Еще неделю ждать, не выждешь.

Голоса (шопотом). —Без Тараса не выйдет. Сорвалось. Опять неудача.

Перовская (поднимается. Твердо и резко). Нет, удача! Не слезами, не бесплодными проклятиями мы должны ответить на арест Желябова. Ответим немедленным, страшным ударом. Пусть он в тюрьме узнает, что мы не растерялись, что мы довели начатое им дело до конца. Казнь над деспотом должна быть осуществлена немедленно и во что бы то ни стало. Отступить в такой момент—значит быть разбитым.

Гриневицкий (с энтузиазмом).—Мы готовы!

Перовская.—Спасибо, Котик.

Богданович. — А если царь не поедет завтра по Садовой?

Перовская.—Действовать одними снарядами. Завтра, во что бы то ни стало действовать. Мина должна быть заложена. Бомбы должны быть заряжены.

Кибальчич.—Я попробую приготовить снаряды... Только нужны помощники...

Гриневицкий.—Мы все помощники.

Фроленко (спокойно, Богдановичу).—Поезжай к себе и жди. Кто-нибудь из нас привезет мину. Завтра я сам посторожу царя. (Кибальчичу и Суханову.) Пошли. Всем хватит работы.

Перовская.—Я тоже буду работать. (Опускается бессильно на руки Гриневицкого.)

Фроленко.—Нет, Соня, ты посиди здесь. Нас много (Гриневицкому.) Останься с ней. (Все уходят. Пауза.)

Гриневицкий (поднимает с пола бумагу).

Перовская.—Что это, Котик?

Гриневицкий (смущенно).—Это... так... Пустяки... Ночью написал... Можно уничтожить.

Перовская.—Дай мне... (Читает.) Мое завещание товарищам.

Гриневицкий.—Не надо....

Перовская.—Прочти, Котик.

Гриневицкий (читает в смущении).—Александр 2-ой должен умереть. Мне или другому придется нанести последний удар, который гулко раздастся по всей России. Это необходимо для дела свободы...

Голос Кабильчича (за стеной).—Осторожнее с динамитом! Где серная кислота? Плавьте олово. Это—оболочки бомб.

Гриневицкий (читает).—Я не увижу победы. Не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своею смертью сделаю то, что должен сделать...

Перовская.—Это наше общее завещание, Котик...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Картина первая

Зимний дворец. Кабинет императора. Направо дверь в приемную, налево— во внутренние комнаты. Посредине два больших окна. На дверях тяжелые, до полу, портьеры. Утро. Солнечный свет.

Лакей отворяет настежь дверь в приемную. Видны: Александр, наследник и придворные генералы.

Александр (в парадном мундире).—Вы свободны, господа. (Входит с наследником, двери закрываются. Лакею.) Пусть подадут карету. (Лакей уходит. Александр подходит к столу, берет бумагу, читает). Правительственное сообщение о привлечении избранных от населения лиц к законосовещательной деятельности...

Наследник (угрюмо).—Отец, неужели ты подпишешь этот фантастический проект Лориса? (Со злобой.) Преступный и поспешный шаг к конституции.

Александр.—Ты же сам его одобрил.

Наследник.—Это меня ни к чему не обязывает... (Решительно.) Я хочу откровенно сказать тебе, наконец, все, что у меня накопилось на душе... Отец, этот выскочка Лорис и его люди ведут к гибели самодержавия. Благодаря им вся Россия в смятении. Пора прекратить бессмысленные толки твердым словом. Неужели русский государь не может заявить народу о своей самодержавной власти без всяких советов?

Александр (после паузы. Устало).—Лорис хитер и предан. Он один мне принес спокойствие... Видит бог, я хочу только спокойствия. (Со страхом.) Меня затравили, я не могу быть спокойным ни на минуту даже у себя в кабинете... Кто знает, может-быть, там—под полом—уже роют, уже готовят динамит? Может-быть, у лакея, который стоит за этой дверью, спрятан под мундиром нож? Даже в церкви я не спокоен... Разве нельзя в чашу с причастием подмешать яд? (Пауза. Быстро подписывает бумагу.) Лорис болен. Я завезу ему обращение после парада. Пусть будет так...

Наследник (повышая голос).—Отец, помни: Людовик XVI погиб, потому что разрешил существование народных представителей и тем изменил своему священному долгу. Бог наказал его за эту измену.

Александр (со страхом).—Бог наказал его... (Зачеркивает подпись. Пауза.) Что же, по-твоему, я должен сделать, чтобы спасти жизнь и корону?

Наследник (твердым, металлическим голосом).—Надо покончить раз и навсегда с нелепыми разговорами о реформах. Ты получил в наследство от отца самодержавную власть над всей русской землей вместе с населяющими ее людьми. Самодержавным государем ты и должен остаться. Семена нигилизма должны быть беспощадно вырваны с корнем. Разогнать эту сволочь полицией и войсками. Перевешать. Все должны почувствовать властную и твердую руку. (Пауза.)

Александр.—Кто внушил тебе такие мысли?

Наследник.—Верный человек. Новый обер-прокурор Победоносцев. Вот кого, отец, тебе надо призвать к себе. Он истинный патриот.

Александр (устало опускается в кресло). — Поезжай на парад, я тоже сейчас еду... Дай мне побыть несколько минут одному.

Наследник. — Значит, ты не подпишешь проекта Лориса?

Александр.—Нет, будь покоен.

Наследник.—Благодарю тебя, отец. (Уходит, пауза.)

Александр. (тяжело встает. Подходит к окну, смотрит на Дворцовую площадь).—Сколько народа! Тысячи. Десятки тысяч. Не отличишь одного от другого. Кто из них теперь замышляет убить меня? Быть-может, он стоит на площади и смотрит на дворец... Хотел бы я его увидеть...

(Портьера, закрывающая дверь во внутренние комнаты, начинает шевелиться. Шуршит материя. Александр быстро оборачивается. В ужасе смотрит на дверь. Портьера медленно раздвигается. В образовавшемся отверстии просовывается лицо красавицы-княгини Юрьевской.)

Александр (шепотом).—Кто это?

Юрьевская.—Это я, ваше величество. (Входит.)

Александр (опускается в изнеможении на стул).—Можно ли быть такой неосторожной, *ma chère*!

Юрьевская (подбегает к Александру).—Что с вами, ваше величество?

Александр.—Ничего. (Пауза, нежно.) Вы ушли из церкви, не поздравив меня.

Юрьевская.—Мне не позволили это сделать.

Александр.—Не позволили?

(Плечи княгини начинают вздрагивать. Она закрывает лицо руками, с рыданием падает на колени перед Александром.)

Юрьевская.—Я... я... больше... не могу... Все время... одни оскорбления. Меня третируют, как... как последнюю любовницу... Ведь я... ваша жена... Мы венчались в церкви... У нас трое детей... Я отдала вам свою молодость, всю себя...

Александр.—Успокойтесь, *ma chère*, я люблю вас.

Юрьевская.—Любите! Почему вы допускаете все это? Сегодня мне отвели место между какими-то Ольденбургскими и Лейхтенбергскими князьками. Я не могу больше переносить это.

Александр (беспомощно).—Что я могу сделать, *ma chère*?

Юрьевская.—Как что? Вы—император. Всероссийский самодержец. Вам достаточно сказать слово, и все будет сделано.

Александр.—Я великий самодержец, но у себя во дворце я—раб. Каждый мой шаг, каждую мысль связывают миллионы условностей.

Юрьевская.—Это ужасно! Я не могу больше.

Александр (шопотом).—Хочешь, уедем далеко... Где никого нет... К спокойной жизни...

Юрьевская (громко и твердо).—Я молода. Я хочу жить и царствовать. У меня есть сын—наш сын... Я должна быть императрицей.

Александр (хочет обнять княгиню).—Я люблю тебя безумно...

Юрьевская (вырывается).—Нет, нет и нет. Когда я буду императрицей. Только тогда... А теперь... Теперь довольно, ваше величество.

Александр (возбужденно).—Но как это сделать?! (Стук в дверь.)

Голос камердинера (за дверью).—Граф Лорис-Меликов по экстренному делу.

Александр.—Лорис? (Громко.)—Пропустить.

Лорис (входит).—Имею честь поздравить ваше величество с принятием святых таин.

Александр.—Спасибо.

Лорис (Юрьевской).—И вас также, ваша светлость.

Юрьевская.—Merçi.

Александр.—Что случилось? Мне передали, что ты серьезно заболел. Зачем ты приехал?

Лорис.—Я не остался бы дома, даже если бы умирал. (Повышая голос.)—Должен доложить вашему императорскому величеству весьма радостное известие. Полиции удалось схватить главных вожakov революционной партии.

Александр (радостно).—Господь услышал мою молитву! (Крестится.) Воистину, сегодня счастливый день. (Подает руку Лорису.) Спасибо, граф.

Лорис (целует руку Александра).

Александр.—Кто схвачен?

Лорис.—Желябов и Тригони.—Главные вожаки. Ими держалась партия. Остальных полиция переловит поодиночке.

Александр.—Где находится этот... Желябов?

Лорис.—В третьем отделении собственной вашего величества канцелярии.

Александр.—Я приеду сегодня в третье отделение... Показать мне его.

Лорис.—Слушаю, ваше величество. На Садовой улице произведен осмотр всех подвалов. Слухи о подкопе оказались ложными. Все благополучно, ваше величество.

Александр.—Не удалось им... (Крестится.) И здесь виден перст божий.

Лорис (после паузы, осторожно).—Ваше величество...

Александр.—Что еще, граф?

Лорис.—Ожидаю проект правительственного сообщения о реформах.

Александр (после колебания).—Я думаю, теперь с реформами можно не спешить.

Лорис.—Общество ждет монаршего слова, ваше величество.

Александр.—Зачем вообще эти реформы? Я, к сожалению, поддался минутной слабости и начинаю раскаиваться.

Лорис.—Ваше величество, ведь это одна видимость реформ. Я решительный враг всякого народного представи-

тельства. По проекту само правительство выберет сведущих людей из дворян, земств и городов. У них не будет и тени власти. Их призвание необходимо только для дальнейшей борьбы с крамолой.

Александр.—Умиротворение наступит без реформ... (Нетерпеливо.) Зачем ты волнуешь меня в такой час? (Решительно.) Довольно. Об этом поговорим после.

Лорис (растерянно смотрит на Александра. Пауза. Бросает взгляд на княгиню Юрьевскую, и вдруг хитрая усмешка пробегает по его лицу. Говорит со вздохом).—Очень печально, ваше величество.

Александр (удивленно).—Почему?

Лорис (умиленно).—С опубликованием извещения о реформах я связывал весьма дорогое для меня намерение...

Александр.—Намерение?

Лорис (тихо).—Если бы вашему величеству было угодно даровать стране реформы, то тогда... при всеобщем ликовании... не трудно было бы...

Александр.—Что?

Лорис.—Возвести ее светлость в сан императрицы.

Юрьевская (радостно).—Меня?!

Александр (после паузы, Лорису).—Ты думаешь, что это возможно?

Лорис (твердо, повышая голос).—Ее светлость будет коронована при восторженных криках всего народа. (Восторженно, Юрьевской.) Какое счастье для России иметь, как в прежние времена, русскую императрицу! Царь Михаил Федорович, первый из Романовых, тоже был женат на Долгорукой. Весь русский народ воскликнет: вот наша царица!

Александр (улыбаясь).—Сегодня, положительно, великий день. (Садится за стол, подписывает бумагу, передает ее Лорису.) На. (Быстро и с некоторой тревогой.) Постой... Ну, хорошо. Только все же до опубликования внеси еще раз в совет министров.

Лорис (поспешно прячет бумагу).—Слушаю, ваше величество.

Александр (Лорису).—Если в России будет русская императрица, ты будешь мой первый друг.

Юрьевская.—И мой!

Лорис (хитро).—Это будет сделано, ваше императорское величество (целует руку Александра. Подходит к княгине Юрьевской,

целует ее руку, говорит медленно) и ваше императорское величество... (Уходит.)

Юрьевская (с криком восторга бросается к Александру).— Я никогда не была так счастлива! (Поцелуй.)

Александр.—Вы никогда не были так прекрасны.

Юрьевская.—Даже тогда, когда меня привели к вам в первый раз в павильон Бабигон?

Александр.—Даже тогда. (Поцелуй.)

Юрьевская.—Ты сделаешь меня императрицей?

Александр.—Все, что захочешь. Все. (Долгое страстное объятие. Пауза. Голос за дверью: „Карета подана, ваше величество.“)

Александр (приходит в себя).—Надо ехать, *ma chère*.

Юрьевская.—Я не отпущу тебя.

Александр.—Пора... Я скоро вернусь... Жди меня.

Юрьевская.—Нет, нет... Подожди... Не знаю, почему я так взволновалась... (Серьезно.) Дай мне слово, что не поедешь по Садовой...

Александр (улыбаясь).—На ней безопасно. Ты слышала сама.

Юрьевская.—Дай мне слово.

Александр.—Хорошо. (Делает шаг к двери.)

Юрьевская (кидается к Александру. Поцелуй).

Александр.—Я скоро вернусь, *ma chère*. Жди. Я скоро вернусь. (В дверях.) До свидания. (Уходит.)

Юрьевская (со слезами).—До... свидания...

Картина вторая

Декорация первой картины второго действия. Лавка закрыта. С улицы доносится шум толпы.

Я к и м о в а (притаилась у окна, с нервным возбуждением смотрит на улицу).

Ф р о л е н к о (сидит возле открытого подкопа у батареи для взрыва мины. Перед ним на столе бутылка вина и закуска).

Я к и м о в а.—Проехали конные жандармы. (Фроленко.) Ты все ешь. Как можно в такую минуту...

Ф р о л е н к о (невозмутимо).—Я должен быть в полном обладании сил... Давай только сигнал. Соединю проволоку—пол-улицы взлетит на воздух. Наши постарались. Положили динамиту порядочно...

Я к и м о в а.—Ага!

Ф р о л е н к о.—Что? (Пауза.)

Я к и м о в а.—Прекращают движение экипажей. Всегда так перед проездом царя. (Пауза.)

Ф р о л е н к о.—Ну, что же?

Я к и м о в а.—Слышишь?! (Пауза. Отдаленные крики.)

Ф р о л е н к о.—Едет.

Я к и м о в а.—Да. (Пауза.)

Ф р о л е н к о (возится у батареи, шопотом).--Предупреди заранее.

Я к и м о в а (вскрикивает).—Вот!

Ф р о л е н к о.—Что?

Я к и м о в а.—Движение. Готовься... (Пауза.) Нет. (Пауза.)

Фроленко.—Да что же ты?

Якимова.—Странно...

Фроленко.—Что странно?

Якимова.—Они разговаривают...

Фроленко.—Кто разговаривает?

Якимова.—Жандармы. (Пауза.) Уезжают... Уехали... Пустили экипажи...

Фроленко (лезет к окну). — Дай-ка мне взглянуть.

Якимова.—Что это значит?

Фроленко.—Не знаю. (Пауза.)

Якимова.—Не удалось!

Фроленко.—Не удалось.

Якимова.—Что-то произошло. (Соскакивает на пол.) Подожди... Я узнаю. (Набрасывает платок, убегает.)

Фроленко (с досадой). — Тьфу! Каждое воскресенье проезжал, а сегодня надул. А еще царь. Привык надувать.

Якимова (входит).

Фроленко.—Узнала?

Якимова.—Так и есть. Проехал по другой улице.

Фроленко.—Может быть, вернется по Садовой?

Якимова.—Он здесь не возвращается. (Пауза.)

Фроленко.—Не повезло.

Якимова.—И метальщики тоже стоят на Садовой.

Фроленко (с досадой). — Что метальщики! Чепуха. Кибальчич верно говорит про них... Иллюзия... (Издали доносится глухой шум взрыва.)

Якимова.—Выстрел...

Фроленко.—Это пушка.

Якимова.—Какая пушка?

Фроленко (смотрит на часы).—Два часа...

Якимова.—Два... Не понимаю... (Пауза. Доносится новый взрыв.) Опять! (Пауза.)

Фроленко.—Похоже на взрыв. (Пауза.)

(На улице поднимается шум, крики. В окнах магазина мелькают ноги бегущих людей.)

Якимова.—Слышишь?

Фроленко.—Что?

Якимова.—Шум. (На улице топот скачущих лошадей. Возрастающие крики толпы неожиданно покрывает истерический вопль: „царь убит!!.“ После паузы.) Значит, убит...

Фроленко.—Неизвестно... Сколько раз выходил живым..

Якимова.—Теперь подкоп не нужен. Пойдем.

Фроленко.—Подождем распоряжений Центрального Комитета. (Шум на улице усиливается. Тревожные свистки полицейских. Стук в дверь.)

Фроленко.—Стучат.

Якимова.—Не отворяй. Бежим через черный ход.

Фроленко (подходит к окну, смотрит осторожно. Потом бросается к дверям и отворяет их. Входит Перовская. Пауза).

Перовская (молча садится на стул. Сильно взволнована. Долгое время не может ничего сказать).—Кажется, удачно... Если не убит... то тяжело ранен...

Якимова (после паузы).—Как это произошло?

Перовская.—Бросили бомбу... Сперва Рысаков... Потом Котик. Рысаков арестован... А Котик убит... (Пауза. Якимовой.) Дай, пожалуйста, воды... Душно... (Пьет. Пауза.) Царь поехал по Екатерининскому каналу... Я успела перевести метальщиков... Котик исполнил свой долг... (Пауза.)

Фроленко.—Казнь над царем совершена...

Якимова.—Окончен кошмар, давивший двадцать лет
Россию. Наступило искупление за ужас тюрем, за кровь муче-
ников.

Перовская (страстно).—Слышишь ли, Тарас?..

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Картина первая

Зал заседаний особого присутствия правительствующего сената. Налево, под большим, во весь рост, портретом Александра 2-го—стол судей. Направо—места подсудимых.

Сенаторы, сословные представители, прокурор, адвокаты, немного публики. У дверей и возле мест для подсудимых—часовые.

Желябов, Кибальчич и Перовская спокойны. Михайлов сидит насупившись. Рысаков часто вздрагивает, нервно потирает руки, смотрит, не отрываясь, на судей.

Первоприсутствующий (громко).—Рассмотрев подробно следственный материал и заслушав объяснения подсудимых,—особое присутствие правительствующего сената считает обстоятельства дела выясненными полностью. (Пауза.) Слово предоставляется государственному обвинителю. (Муравьеву.) Прошу вас, господин прокурор.

Муравьев.—Господа сенаторы! Господа сословные представители! Призванный быть на суде обвинителем величайшего из злодеяний, когда-либо совершавшихся на русской земле, я чувствую себя подавленным скорбным величием лежащей на мне задачи. Перед свежей могилой возлюбленного монарха, среди всеобщего плача, я боюсь не найти могучего слова для требования возмездия. Я далек от мысли что-либо опровергать. Не говоря о том, что это было бы несогласно с достоинством государственного обвинения,—само лжеучение социально-революционной партии так очевидно в мыслях и делах ее, что разоблачение едва ли нужно для суда. Тем более, что и оружие у нас неравное: у обвиняемых—софизм и цинизм, у обвинения—неотразимые, еще дымящиеся кровью, факты. (Пауза). Познакомившись со взглядами обвиняемых, вы знаете, что форма их политической борьбы—террор, пути—убийства, средства—динамит. Мир много слышал несбыточных

учений, но он еще не слышал системы цареубийства, учения резни. (С усмешкой.) Впрочем, усовершенствование способов убийства дает возможность террористам действовать из-за угла и во-время скрываться.

Желябов. — Клевета!

Первоприсутствующий (звонит). — Прошу не прерывать господина прокурора.

Муравьев. — Все подсудимые признали свою принадлежность к партии и свое непосредственное участие в покушениях на жизнь священной особы государя императора Александра Николаевича. В ноябре 1879 г. близ города Александровска подсудимый Желябов сомкнул во время прохождения царского поезда провода от мины, подведенной под полотно железной дороги. Взрыва не последовало. Бог хранил государя. В том же ноябре подсудимый Кибальчич пытался близ Одессы взорвать императорский поезд — и тоже неудачно. В том же ноябре подсудимые Желябов и Перовская повторили покушение близ Москвы. На этот раз произошел взрыв, не причинивший, однако, никому вреда. При непосредственном участии подсудимого Желябова и других лиц, оставшихся неразысканными, государственный преступник Халтурин 5-го февраля 1880 г. произвел покушение на цареубийство в Зимнем дворце. И на этот раз бог хранил его величество. Весной того же года в Одессе вновь было раскрыто предполагавшееся покушение на цареубийство. Следствием с несомненностью установлено участие в этом деле социально-революционной партии. Летом того же года в С.-Петербурге подсудимым Желябовым и другими лицами, оставшимися неразысканными, была сделана попытка подвести под Каменный мост на Гороховой улице, на пути следования государя, мину. Снова бог сохранил жизнь его величеству. Наконец, 1-го марта террористы достигли заветной цели своих желаний: предательски убили великого монарха. (Показывает на подсудимых.) Вот фактические убийцы! (Пауза.)

Рысаков (взволнованно). — Я... Я не виновен... Я...

Первоприсутствующий (звонит).

Муравьев. — Кроме убийства и крови, над социально-революционной партией тяготеет еще тяжкий грех. Я говорю о той злополучной юности, среди которой рыскают эмиссары партии.

Молодость восприимчива, увлекается. (Показывает на Рысакова.) И жертвы падают, гибнут молодые силы, нужные родной земле.

Желябов.—Ложь! Я протестую!

Муравьев.—Несмотря на всю боль совершившегося, в настоящем процессе есть некоторые зачатки горького утешения. Сомнения нет: социально-революционная партия—недуг наносный... противный русскому чувству. Их учение выросло на Западе. У нас, слава богу, нет ни антагонизма между условиями, ни борьбы общества с властью. Они одиноки. (Обращается к подсудимым.) Повидимому, вы думаете, что 1-го марта одержали огромную кровавую победу. Ошибаетесь! В этот день ваша партия своими руками нанесла себе смертельный удар. Отныне глубокое отвращение всякого, в ком бьется человеческое сердце,—ее единственный удел. (Судьям.) Не мне говорить, не вам слушать о необходимом значении того решения вопросов виновности, которое изрекут вашими устами высшая справедливость и закон. Совесть России ждет этого решения. (Пауза.) На основании всей совокупности данных судебного следствия, я имею честь предложить вам вынести подсудимым безусловно обвинительный приговор. Карательные последствия только такого приговора соразмерны со злодеянием 1-го марта и виной всех изобличенных в нем подсудимых. Эта кара, отнимающая у преступника самое дорогое—жизнь, — законна, необходима и должна поразить цареубийц. (Аплодисменты. Некоторые из публики поздравляют Муравьева.)

Первоприсутствующий.—Прошу успокоиться. (Звонит.) Предоставляю последнее слово подсудимым. Еще раз прошу держаться в рамках обвинения. Подсудимый Желябов, ваше слово.

Желябов (встает, говорит, постепенно повышая голос).— Обвинительная речь изложила совершенно неточно сущность наших целей и средств. Мы не анархисты. Мы признаем, что государственность должна неизбежно существовать, поскольку будут существовать общие интересы. Мы стоим за принцип федерального устройства государства. Обвинитель делает ответственными за событие 1-го марта не только наличных подсудимых, но и всю партию. Он считает самое событие логически вытекающим

из ее целей и средств. Я заявляю, что отдельные террористические акты занимают только одно из мест в ряду других задач. Ненавистный тиран убит...

Первоприсутствующий (звонит).—Прошу держаться рамок предъявленных вам обвинений.

Желябов.—Я говорил о целях партии. Теперь скажу о средствах. Мы, русские народолюбцы, не всегда действовали бомбами. И у нас была юность—розовая, мечтательная. Если она так быстро прошла,—не мы тому виной. В начале 70-х годов мы избрали мирную пропаганду социалистических идей в пользу народа. Она разбилась о ваши тюрьмы и ссылки.

Первоприсутствующий (звонит).—Подсудимый, я лишу вас слова.

Желябов.—Непродолжительный период нахождения нашего в народе показал все доктринерство наших стремлений. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе. Однако, одновременно с организацией покушений, был намечен также путь политической борьбы—насильственный переворот—и для этого организация революционных сил. Основные положения были таковы: прогнивший самодержавный строй, душивший страну...

Первоприсутствующий (звонит).—Я могу вам разрешить говорить только относительно обвинений, выдвинутых против вас лично.

Желябов.—Я вынужден отказаться от принципиальной защиты. Ограничусь просьбой к первоприсутствующему о том, чтобы речь прокурора была полностью напечатана. Тогда она будет отдана на суд общественный. (Пауза.) Моя личная задача, цель моей жизни было—служить общему благу. Долгое время я работал мирным путем и только потом вынужден был перейти к насилию. Я оставил бы эту форму борьбы, если бы явилась возможность борьбы мирной: мирной пропаганды своих идей. Если бы изменились внешние условия, произошла революция...

Первоприсутствующий (звонит).

Желябов (с возмущением).—Прошу занести в протокол: на дознании я был очень краток, зная, что показания, данные

на дознании, служат лишь целям прокуратуры. Теперь я сожалею о том, что говорил здесь на суде.

Первоприсутствующий. — Вы кончили?

Желябов (внезапно). — Нет. Меня все еще гнетет опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя. (Жест в сторону Рысакова.) Если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне — ветерану революции. Я заявлял об этом в своем первом показании. Я снова требую себе того же наказания, что и ему!

Первоприсутствующий. — Кончили?

Желябов. — Больше ничего.

Первоприсутствующий. — Прекрасно. (Секретарю.) Вы занесли в протокол заявление подсудимого Желябова? Прекрасно. (Кибальчичу). Подсудимый Кибальчич, ваше слово.

Кибальчич (говорит спокойно, медленно). — В 1874 г. и в 1875 году я разделял желание многих идти в народ. Цели, которые я себе ставил, были отчасти политические, а больше культурные. Если бы обстоятельства сложились иначе, ту изобретательность, которую я проявил по отношению метательных снарядов, я употребил бы на улучшение способов обработки земли, на постройку сельско-хозяйственных орудий. Я участвовал во всех террористических актах. Но мое участие ограничивалось исключительно технической сферой, главным образом, изготовлением динамита и снарядов... Я говорю это не для того, чтобы снять с себя часть обвинения, а просто по чувству справедливости... Вот, кажется, все, что я хотел сказать. Да. Частный вопрос... Я написал в тюрьме проект воздухоплавательного аппарата. Вероятно, я уже не буду иметь возможности выслушать взгляды экспертов и вообще не смогу проследить за судьбой проекта. Во избежание недоразумений — публично заявляю, что проект находится у моего защитника, господина Герарда.

Первоприсутствующий. — Подсудимая Перовская, ваше слово.

Перовская (взволнованно). — Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны прокурора. Относительно фактической стороны обвинения я ничего не буду говорить. (Твердо.) Я вновь подтверждаю свою принадлежность к партии „Народная Воля“. Я отвечаю за все ее действия. (Пауза, с болью.)

Но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости, пренебрежении к общественному мнению... я возражаю. Кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходилось действовать... тот не бросит в нас обвинений ни в безнравственности, ни в жестокости...

Первоприсутствующий. — Вы кончили? Прекрасно. Подсудимый Михайлов, ваше слово.

Михайлов (встает). — Я принадлежу к социально-революционной партии к террористической ее части, называвшейся у нас боевой дружиной, защищавшей рабочих... Больше отвечать не желаю.

Первоприсутствующий. — Подсудимый Рысаков, ваше слово.

Рысаков (вскакивает, в сильном волнении пытается говорить). — Я... Я... (Громко.) Пощадите... Я сознаю весь ужас злодеяния, совершенного мною. Я не был закоренелым преступником, но случайно вовлечен в преступление... Под давлением чужой воли... Оставьте мне жизнь. Дайте мне жизнь! Ведь я же указал вам главных виновников царубийства...

Первоприсутствующий (резко звонит. Рысаков с рыданием опускается на свое место). — Подсудимый Рысаков слишком взволнован, чтобы отдавать отчет в своих словах. (Громко.) Особое присутствие удаляется для постановления вопросов. (Сенаторы и сословные представители уходят.)

Желябов (после паузы). — Это правда, что ты сейчас сказал?

Рысаков (в ужасе поднимает глаза на Желябова. Трясется).

Желябов. — Правда, или нет?

Рысаков. — Они... Они меня заставили... Они обещали мне жизнь...

Желябов. — Значит, это ты выдал их? (Показывает на остальных подсудимых). Ты... мой ученик, которого я любил!.. Гордился... Предатель! Трус! Ха-ха!.. Юный герой!

Перовская (тихо, Желябову). — Не надо, Тарас. Пусть это предательство ляжет на его совесть.

Желябов. — Я спокоен. Я совсем спокоен. Но хороши они, царские слуги. Это у нас — цинизм? Нет! Не у нас. На нашу открытую честную борьбу — вы ответили подлостью, подкупом и доносами. Вы, а не мы!

Перовская. — Верно, Тарас. (Пауза.)

Желябов. — Должна быть справедливость. Должна! Она близка, друзья. Мы не знаем. Может быть, там, за стенами, уже началась революция. Освобожденный народ явится, чтобы освободить нас. Мужайтесь, друзья. Народ идет.

(Двери открываются. Входят сенаторы и сословные представители. Останавливаются у своих мест. Стоя, слушают чтение вопросов.)

Первоприсутствующий. — Прошу встать. (Читает.) На основании всех обстоятельств дела особое присутствие правительствующего сената постановило:

Вопрос первый. Виновен ли крестьянин Таврической губернии Андрей Иванов Желябов, 30 лет, во-первых, в том, что принадлежал по доброй воле к тайному сообществу, имевшему целью ниспровергнуть, посредством насильственного переворота, существующий в империи государственный строй, во-вторых, в том, что предпринял для достижения этой цели ряд посягательств на жизнь священной особы государя императора Александра Николаевича, причинивших 1-го марта 1881 года его величеству тяжкие раны, от которых того же числа государь император скончался?

Ответ. — Да. Виновен.

Вопрос второй. — Виновна ли в тех же преступлениях дворянка Софья Львовна Перовская, 27 лет?

Ответ. — Да. Виновна.

Вопрос третий. — Виновен ли в тех же преступлениях сын священника Николай Иванов Кибальчич, 27 лет?

Ответ. Да. Виновен.

Вопрос четвертый. Виновен ли в тех же преступлениях крестьянин Смоленской губернии Тимофей Михайлов, 21 года?

Ответ. Да. Виновен.

Вопрос пятый. — Виновен ли в тех же преступлениях мещанин города Тихвина Николай Иванов Рысаков, 19 лет?

Ответ. Да. Виновен.

Рысаков (со стоном). — Снисхождения!

Первоприсутствующий (Муравьеву). — Прошу вас, господин прокурор, дать заключение. Какому, по закону, подсудимые подлежат наказанию за состоявшимся решением суда?

Муравьев.— Приговором особого присутствия правительствующего сената все подсудимые признаны виновными в преступлениях, предусмотренных 241, 242 и 249 статьями Уложения о наказаниях. За преступление наказание по закону определяется по 1-й степени 17-й статьи Уложения о наказаниях, при чем несовершеннолетний подсудимый Рысаков должен, согласно ст. 139, быть подвергнут наказанию, как совершеннолетний. На основании изложенного, все подсудимые должны быть приговорены к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

Рысаков (в страшном возбуждении хочет броситься вперед. Стоном падает).—Пощадите...

(Конвой окружает осужденных. Резкий звонок.)

Картина вторая

Семеновский плац. Утро. Яркое весеннее солнце.

Толпа народа. Напряженная тишина.

Первый (шопотом). — Не видать?

Второй. — Увидишь тут. Весь Питер сбежался.

Баба. — Откедова повезут-то?

Второй. — С Николаевской.

Баба. — Скажи, милый, царь будет аль нет?

Первый. — А тебе он зачем?

Баба. — Уж больно поглядеть охота на нового-то.

Второй. — Новый, говорят, построже покойного.

Первый. — Полиции да войск нагнали — не приведи господи! В нашем доме всю ночь с обыском ходили. Стращали — страсть. Никогда такого страха не видали.

Второй (толкает первого в бок). — Молчи. Услышат... (Скрываются.)

Иван (протискивается вперед с группой рабочих). — Здесь все увидим. (Показывает рукой вперед.) Какую штуку поставили.

Рабочий. — Виселица?

Иван. — Нет, памятник Желябову. (Шопотом, серьезно.) Помнишь, вечером, накануне дела, задал я ему вопрос? Что он ответил? Скажу-де после убийства царя. Вот ответ. (Страстно.) Эх, не так... Не так! Делать надо иначе... Мы будем делать иначе... Иначе!..

(Издали доносится барабанная дробь. Толпа приходит в движение.)

Голоса. — Едут! В телеге! Пятеро! Привязаны! Доски на груди!

Полицейский офицер (кричит). — Осади! Осади живей! Вам говорят!

(Солдаты оттесняют толпу в сторону, показывается подножие эшафота, еще пленного кордоном солдат Измайловского полка. Впереди градоначальник генерал Баранов, прокурор, товарищи прокурора, несколько офицеров, свя-

щенник и палач со своими помощниками в нагольных тулупах. Пауза. Взоры всех устремляются навстречу приближающемуся барабанному бою. Вдруг он разом смолкает. Наступает мертвая тишина. Слышен скрип колес позорной колесницы.)

(Входят Перовская, Желябов, Кибальчич, Михайлов и Рысаков).

Конвойный офицер (командует). — Стой! (Докладывает генералу Баранову.) Прибыл с осужденными, ваше превосходительство. Все в исправности, 5 человек.

Баранов (машет рукой).

(Палач и его помощники подходят к осужденным, развязывают им руки, подводят к позорным столбам.)

Иван (взволнованно, рабочему). — Желябов!

Баба. — И баба! (Крестится.) А, господи, побелевши-то как!

Иван. — Побелеешь, как попадешь в их руки.

Баба. — Грех большо-ой! Дьявол мучает, — во ад тянет.

Иван (с досадой). — Зачем пришла, старая?

Баба. — Чай, интересно... И того... кусочек... кусочек веревочки на счастье получить хочется... Помоги, касатик, достать-то. Ринутся все — задавят.

Иван. — Молчи.

Палач (Перовской). — Ну, иди! (Толкает Перовскую.)

Перовская (тихо). — Мне больно.

Палач (показывает на виселицу). — Там больнее будет.

Офицер. — Смирно! Шагом марш! (Выстраивает солдат кордоном вокруг эшафота.)

Баранов (обер-секретарю Попову). — Все готово для совершения правосудия.

Попов. — Слушаю, ваше превосходительство. (Выступает вперед, начинает читать приговор четким и громким голосом. Все молчат. Обнажают головы.)

Марта 23 дня, 1881 года.

По указу его императорского величества правительствующий сенат, в особом присутствии, рассмотрев дело о крестьянах: Андрее Желябове и Тимофее Михайлове, мещанине Николае Рысакове, сыне священника Николае Кибальчиче и дворянке Софье Перовской, преданных суду на основании ст. 1032 и 1052 устава уголовного судопроизводства по обвинению их в злодеяниях, жертвою коих пал в бозе почивший государь император Александр Николаевич, и в подготовке насильственного переворота для ниспровержения существующего государ-

ственного строя,—нашел предъявленные обвинения по отношению всех подсудимых доказанными, а посему приговорил перечисленных лиц на основании статей Уложения о наказаниях 9, 13, 18, 139, 152 и 241 лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. Его императорскому величеству угодно было утвердить приговор и приказать обратиться оный к исполнению немедленно. Всеподданнейшее ходатайство осужденного Николая Рысакова о помиловании его величеством государем императором отклонено. (Пауза. Тишина.)

Перовская (Желябову).—Как тихо... Мне страшно, Тарас... Море народа... И все молчат. Только смотрят. Всю дорогу. И здесь. Что они думают, Тарас? Слышишь ли ты, Тарас?..

(К осужденным приближаются священники с крестами в руках.)

1-ый священник (Желябову).—Во имя отца, и сына, и св. духа. Аминь. Возлюбленный во Христе брат мой, покайся в злодействах своих.

Желябов.—Не надо.

1-ый священник.—Смири гордыню перед лицом смерти.

Желябов.—Я сказал: не надо.

1-ый священник.—Смири гордыню, говорю...

Желябов.—Прочь, слуга палача...

(Первый священник в возмущении отходит.)

2-ой священник (Кибальчичу).—Поцелуй крест, несчастный. Сотвори покаянную молитву. Господь бог по неисчислимой милости и по множеству щедрот своих отпустит тяжкие грехи твои.

Кибальчич.—Какие?

2-ой священник.—Как какие? Руку на царя поднял... Сказано: поднявший меч от меча и погибнет.

Кибальчич.—А если царь—враг народа?

2-ой священник.—Несть бо власти, аще не от бога... Рече господь: не убий.

Кибальчич.—А вы будете сейчас меня казнить?

2-ой священник (в смущении не знает, что сказать).—Да... Но...

Кибальчич.—Бросьте эту комедию.

(Второй священник отходит.)

Перовская (приближающемуся к ней третьему священнику).—
Нет... Благодарю вас...

Рысаков (бросается сам к четвертому священнику. Плачет, целует крест и руки священника. Шепчет сдавленным голосом).—Господи, спаси! Господи, спаси! Спаси мя, господи!

Палач (отталкивает Рысакова).—Ну, довольно. (Помощники палача приносят саваны. Движение в народе.)

Палач (осужденным).—Одевай.

Желябов (палачу).—Постой. Дай проститься. (Подходит к Перовской). Прощай, Соня.

Перовская (страстно обнимает Желябова).—О, Тарас!.. Тарас... (Шопотом.) Я... люблю тебя...

Палач (Перовской, резко).—Скорей.

Перовская (целует Кибальчика).—Прощай. (Целует Михайлова. Делает шаг к Рысакову и останавливается.) Я... Я не могу... тебя поцеловать.

Палач (Желябову).—Подходи.

Желябов (внезапно отталкивает палача с саваном, подбегает к перилам эшафота. Кричит взволнованным голосом).—Народ! Это я—Желябов! Что же ты молчишь? Ведь мы за тебя умираем! Восставай! Да здравствует револю...

(Среди всеобщего смятения генерал Баранов машет руками. Раздается громкая барабанная дробь, которая заглушает голос Желябова.)

Желябов (с болью).—Молчат. (Перовской.) Прощай, прощай, Соня (палачу, резко). Давай саван... Я сам...

Рысаков (как зачарованный, смотрит на Желябова).—Господи, спаси... Господи, спаси...

Палач (подходит к Перовской).—Косу долой! Ну, что там. Распускай. Довольно поносила. (Отрезает косу. Подает саван.) Одевай. Ну, живо!

Палач (подходит к Рысакову).—Теперь ты.

Рысаков (с диким воплем бросается в сторону).—Спасите!! Не хочу-у! (Рысакова схватывают. Шум.)

Офицер.—Смирно! Шагом марш! (Солдаты выстраиваются шеренгой и заслоняют осужденных. Продолжительная дробь барабана. Внезапно наступает тишина.)

Иван (шопотом).—Кончено.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

